

7385.

~~14024~~

БРОШЮРКИ

О

ЗЕМСКИХЪ ВОПРОСАХЪ.

НОВГОРОДСКАГО ГЛАСНАГО

П. С. ГУРЬЕВА.

(ИЗДАНИЕ ВЪ ПОЛЪЗУ СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЫ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1869.

~~14024~~
7385

БРОШЮРКИ

О

ЗЕМСКИХЪ ВОПРОСАХЪ.

НОВГОРОДСКАГО ГЛАСНАГО

П. С. ГУРЬЕВА.

12746

(ИЗДАНИЕ ВЪ ПОЛЪЗУ СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЫ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.

(Вас. остр., 8 л., N 45).

1869.

39

Ч. К. Ф.

к

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 28 іюля 1869 г.

64721

ПРЕЛЮДІЯ.

Поучимся и всмотримся — образуемимся, лишь бы всегда жила между нами голая правда.—Земская арена не салонъ великосвѣтской дамы: излишнія церемоніи въ сторону.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

До сихъ поръ было преждевременно судить о дѣлахъ земства: оно только что устанавливалось; пробужденныя силы его бродили и, какъ всегда бываетъ въ періодъ броженія, болѣе проявлялось увлеченій, чѣмъ спокойнаго размышленія; болѣе словъ, чѣмъ дѣла; болѣе надеждъ, обѣщаній и ожиданій, чѣмъ исполненія. Но этотъ періодъ земства проходитъ; оно имѣетъ уже свое прошедшее, и серьезное размышленіе о его будущемъ занимаетъ уже многихъ. На очередь выступаютъ, вопреки желанію, зловѣщіе вопросы: что такое наше земство и какова его будущая судьба? Куда идутъ наши земскія собранія и туда ли, куда слѣдуетъ? Успѣли ли они доставить существенную пользу народонаселенію? — Послѣдній вопросъ уже частенько слышится даже изъ кружковъ нашей меньшей братіи, отъ головы до пять

людей практичныхъ, которые лучше желаютъ имѣть синицу въ рукахъ, чѣмъ журавля въ небѣ. Живые ли это образы, полные обѣтованія, или только разросшіяся метаморфозы тѣхъ же все болѣе и болѣе безжизненныхъ и апатичныхъ, но чопорныхъ и щепетильныхъ дворянскихъ собраній, которыхъ результаты большею частію тутъ же и умирали вмѣстѣ съ обѣдами и балами, которыми они сопровождались и оканчивались? Такихъ вопросовъ можно сдѣлать много, но не такъ-то легко отвѣчать на нихъ. Между тѣмъ время не ждетъ, потребности жизни растутъ и разнообразятся, тогда какъ почва для нихъ далеко еще не воздѣлана. Между удовлетвореніемъ потребностей и способностію удовлетворять ихъ болѣе и болѣе теряется равновѣсіе. Тутъ всякое уклоненіе въ сторону отъ прямого пути можетъ только запутать еще болѣе и безъ того сложные земскіе вопросы. Къ тому же большая часть дѣятелей скользитъ по этой почвѣ, почти не оставляя слѣда, возмѣщаясь другими дѣятелями. Между прежними и новыми не примѣчается ни солидарности, ни переимчивости, что могло бы связывать какъ бы электрическою нитью трехлѣтніе періоды обновленія. Удалившіеся отъ утомленія безъ причины утомленія,

отъ разочарованія безъ причины разочарованія, или по прежнему укладываются въ своихъ сельскихъ пріютахъ, словно улитки въ раковинахъ, предоставляя за себя дѣлать другимъ что хотятъ и какъ хотятъ, или снова возвращаются въ безконечные ряды чиновничества, откуда еще такъ недавно дезертировали. Все это такъ свойственно нашему обществу, привычкамъ котораго мы долго еще не измѣнимъ. Пусть появится что-нибудь новенькое, мы, пожалуй, опять сбѣжимся изъ разныхъ уголковъ и, пожалуй, пошумимъ и поораторствуемъ; но до первой зѣвоты, а потомъ снова вразбросъ и по уголкамъ... Намъ все чего-то хочется, а сами не знаемъ чего именно*).

Да, дѣйствительно, земство наше это еще младенецъ, къ тому же родившійся съ англійскою болѣзнію. Онъ съ трудомъ еще становится на ноги, не смотря на четырехлѣтній свой возрастъ, падаетъ,

*) Нами часто руководитъ ложный стыдъ, несовмѣстный съ званіемъ гласнаго; а этимъ только портится общественное дѣло. Вступая въ отправленіе общественной обязанности, мы рѣдко предъявляемъ опредѣленную программу нашихъ дѣйствій; но зато часто удаляясь недовольными, никогда не выскажемъ прямо причинъ нашего неудовольствія. Скорѣе всего наши ретирады принимаютъ весьма узкій, личный характеръ. Нельзя же такихъ дѣйствій приписать только нашему терпѣнію, смиренію, цѣломудрію и проч.

плачетъ и барахтается, отвсюду взывая о помощи и подпорѣ. Но это не такіе еще симптомы, чтобъ можно было бояться за его жизнь. Все будетъ зависѣть оттого, какъ будутъ продолжать воспитать его. Между тѣмъ старшій братецъ его, съ столѣтнею хартіею въ рукахъ, болѣе самоувѣренный, чѣмъ сколько самъ крѣпокъ на ногахъ, но все-таки заключающій въ себѣ всю провинціальную интеллигенцію, котораго привиллегіи обращаются уже въ миражи, чему онъ никакъ не хочетъ вѣрить, и которому суждено отнынѣ идти съ нимъ вмѣстѣ и руководить его, чувствуетъ неловкость своего положенія и не совсѣмъ-то понимаетъ, что, можетъ быть, отъ этого хилаго ребенка будетъ зависѣть его обновленіе. Но онъ скоро это пойметъ, когда только захочетъ аристократизмъ породы промѣнять на аристократизмъ знанія и труда. Тогда и породу его не тронетъ никто, потому что въ ней все-таки есть малая толика своего обоянія, которое всегда дѣйствовало и будетъ дѣйствовать на толпу, какъ бы она ни цивилизовалась *)

*) У насъ вошло въ моду англизироваться; не было бы дурно не ограничиваться одними костюмами и домашнимъ комфортомъ, а поглубже вдуматься въ настоящую дѣятельность англійской аристократіи и усвоить ее себѣ. Хоть бы на первый разъ перенять отъ нея

Какъ бы то ни было, много симпатичнаго въ этомъ ребенкѣ (такія дѣти обыкновенно имѣютъ симпатичную фізіономію), и это невольно къ нему привязываетъ. Въ немъ видишь признаки такой жизни, которою еще не жила Россія—регулированная, ран-

обычай—проживать почаще въ своихъ помѣстьяхъ и принимать живое участіе въ жизни народа? Уже одно это имѣло бы обильныя послѣдствія. Попытки уже сдѣланы, слѣдуетъ только подражать имъ; но послѣдователей еще мало. Скромность не позволяетъ намъ наименовать тѣхъ почтенныхъ и всѣми уважаемыхъ лицъ, которыя, принявъ этотъ обычай, сдѣлались полезными и вліятельными людьми въ земствѣ. До тѣхъ привилегій, которыя стоитъ за собою сохранять, какъ справедливую дань исторіи, никто не только не касается, но ихъ уважаютъ. Если археологи съ такимъ тщаніемъ оберегаютъ мертвые памятники прожитой народной жизни, то еще болѣе народная память любитъ связывать себя съ прошедшимъ достойными потомками достойныхъ предковъ. Въ земствѣ, по характеру его жизни, много консервативнаго. Не понимаемъ послѣ этого о чемъ скорбитъ газета «Вѣсть» и надрывается въ плачъ велиемъ объ утрачиваемыхъ привилегіяхъ дворянства! Этому сословію столько остается еще простора для почета и дѣятельности, что лишь бы стало охоты и дарованія на сподвижничество. Даромъ конечно не дадутъ ничего. Впрочемъ даже тѣ личности, которыя только пробавляются своимъ именемъ, прозябаютъ только собственными остатками отъ своихъ предковъ, на выборахъ какъ бы насильственно выставляются впередъ и упрашиваются занять передній уголь — подъ образами. Такова податливость нашей меньшей братіи, да и не одной меньшей братіи. И такъ будетъ долго, долго еще...

жированная. Но привязанность обращается въ скорбное чувство, когда нѣтъ еще полной увѣренности, что эти признаки новой жизни не одна лишь мечта..; когда подумаешь, что ребенокъ такъ еще хилъ и немощенъ, что лишняя доза холоднаго вѣтра можетъ повредить ему и остановить его развитіе на многіе десятки лѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, не успѣло это бѣдное дитя, ни для кого не страшное, быть вызвано къ жизни столько же необходимостію, сколько милосердіемъ и гуманностью, какъ уже нашлись люди, которые готовы побить его своимъ обухомъ! Они со всѣмъ азартомъ злости проповѣдываютъ, гдѣ слѣдуетъ, что когда этотъ младенецъ попроситъ ѣсть, то всунуть въ ротъ ему камень, а когда захочетъ протянуться, чтобы расправить свои слабые члены, то принять его въ тиски! Такъ обухать съ плеча можетъ только самое циническое кощунство и невѣжество!...

Однакожь та любовь не любовь, которая слѣпа и потворствуетъ младенцу, не подчиняя его животныхъ инстинктовъ высшимъ началамъ нравственной жизни. Чѣмъ шире и возвышеннѣе предстоящая будущность ребенка, тѣмъ болѣе онъ долженъ быть воспитанъ въ суровой правдѣ и приученъ къ серьезному труду,

чрезъ что только упорная природа и уступаетъ чело-
вѣку владычество надъ собою. Самые естествен-
ные его воспитатели и руководители — это глас-
ные, изъ нихъ самые вліятельные — это дворяне.
Они до того облакаются широкимъ довѣріемъ отъ
своихъ избирателей, что послѣдніе даже не слѣ-
дятъ за ихъ дѣятельностію. Но это еще болѣе должно
связывать ихъ нравственнымъ чувствомъ служить
земству и словомъ и дѣломъ, правдиво и безкорыстно.

Участвуя въ земствѣ и служа ему, мы считаемъ
обязанностію и съ своей стороны, отъ времени до
времени, высказываться предъ нимъ не только жи-
вою рѣчью, но и печатнымъ словомъ. Есть много
такихъ земскихъ вопросовъ, которые требуютъ раз-
работки прежде, чѣмъ они должны подвергнуться
всестороннимъ преніямъ въ самыхъ собраніяхъ; иначе
пренія оканчиваться могутъ одними словоизверже-
ніями. Человѣкъ тогда только судить здраво, когда
хорошо знаетъ, о чемъ судить; а знанія достаются
не легко и требуютъ досуга. Къ земскимъ же во-
просамъ точныя знанія какъ-то мало прилагались.
Но безъ науки въ наше время не далеко уйдешь.
Она во все проникаетъ и вездѣ проявляетъ свои
права. Мы часто предрѣшаемъ и больно торопимся,

хватаясь за первую блестящую мысль, не будучи вполне убѣждены на сколько она вѣрна. Отъ этого-то часто ошибаемся и возвращаемся назадъ, почти всегда съ потерей времени и денегъ. Словоизверженія уже и въ Европѣ теряютъ свой удѣльный вѣсъ, а намъ бы къ нимъ и привыкать не слѣдовало. Съ другой стороны сроки засѣданій до того коротки при огромномъ количествѣ докладовъ, которыми насъ весьма гостеприимно угощаютъ, что не только головы, но даже желудки отказываются переваривать то, чѣмъ насъ подчуютъ. Между тѣмъ есть убѣжденія и сомнѣнія, которыя до того становятся присущими человеку, что вездѣ его преслѣдуютъ. Они требуютъ простора и вмѣстѣ повѣрки широкаго общественнаго мнѣнія. Самъ себя никогда не провѣришь. Земскія собранія учрежденія гласныя, а потому по праву подлежатъ суду общественнаго мнѣнія. Къ тому же они всѣ до того солидарны между собою, что пріобрѣтенное или подмѣченное что-либо въ одномъ можетъ быть пригодно и для другихъ. Говорить слѣдуетъ и какъ можно громче, только конечно безъ самовосхваленій и безъ куренія еиміамовъ, что уже многимъ порядочно надоѣло. Говорить слѣдуетъ и потому, что невольно пугаетъ мысль, и мы выска-

жемь ее здѣсь откровенно: нѣкоторыя уѣздныя собранія, сколько намъ случилось наблюдать или слышать, укладываются уже въ рутину, не успѣвъ опредѣлить объема и содержания своей дѣятельности. Канцеляризмъ, такъ крѣпко вообще усвоенный русскою жизнію, не обошелъ и земства: и тутъ всецѣло нѣкоторые уже окунулись въ него. Какъ хотите, это своего рода спячка подъ видомъ кропотливой дѣятельности. Можетъ быть поданный нами примѣръ если не положительно, то отрицательно, не прямо, такъ косвенно, возбудитъ другихъ—а такихъ требуется много — стать насторожѣ, чтобы не спалъ бѣдный ребенокъ больше, чѣмъ сколько здравая гигиена для него предписываетъ.

Вотъ въ немногихъ словахъ причины появленія нашихъ брошюрокъ, которыхъ обѣщаемъ нѣсколько, если позволятъ обстоятельства, потому что есть о чемъ поговорить, не связывая себя впрочемъ никакою программой и никакими сроками выхода ихъ въ свѣтъ. Удастся ли намъ этими брошюрками принести земству и свою долю пользы, на сколько желаемъ, это покажетъ время — лучшій судья дѣлъ человѣческихъ, большихъ и малыхъ.

Мартъ 1869 г. Село Щупоголово.

БРОШЮРКА

№ 1-й

**О ТОМЪ, КАКЪ ВЗИМАЛИСЬ ПОВИННОСТИ ВЪ НОВГОРОДСКОЙ
ОБЛАСТИ ПОЧТИ ЗА ЧЕТЫРЕСТА ЛѢТЬ ТОМУ НАЗАДЪ.**

(Обработано по Новгородскимъ писцовымъ книгамъ).

ВЛОШЮРЪА

№ 1

О ТОМЪ КАРЪ ВЪНЪШНЕГО ПОСЛАНИЕТО ВО ПОСЛАНИЕТО

ОТЪ СЪДЪ ПЪРВОГО ЗА ПЪРВОТО ЗА ПЪРВОТО

СЪСТАВЕНА ВО ПОСЛАНИЕТО ПОСЛАНИЕТО

О томъ, какъ вѣзались повинности въ Новгородской области почти за четыреста лѣтъ тому назадъ.

(Обработано по Новгородскимъ писцовымъ книгамъ).

Въ настоящее время, когда Новгородское Губернское Земское Собрание пришло къ убѣжденію, что нельзя болѣе руководствоваться выработанною въ 1866 году фикціею такъ-названнаго *нормальнаго дохода*, и потому постановило образовать особую комиссію для выработки новыхъ основаній губернской раскладки, которая *дѣйствительно* уравнивала бы платежи по уѣздамъ, сообразно цѣнности и доходности поземельныхъ угодій каждаго, весьма будетъ не лишнимъ, по нашему мнѣнію, хоть нѣсколько ознакомиться съ Новгородскими писцовыми книгами, изданными Археографическою Коммиссіею. Этому-то предварительному ознакомленію съ ними и посвящается подлежащая брошюрка *).

*) Новгородская Губернская Управа въ докладѣ своемъ Собранию проекта смѣты и раскладки на 1866 г. изъясняла, что выработанный ею *нормальный доходъ* съ удобныхъ земель согласуется съ осно-

Писцовыя книги, при занимающемъ земство вопро-
сѣ, становятся важными не какъ историческія

ваніями, принятыми въ положеніи о выкупѣ, только съ небольшими противъ него измѣненіями. Управа полагала: 1) что хотя за $5\frac{1}{2}$ десятинъ крестьянскаго душеваго надѣла и опредѣлена выкупная сумма въ 150 руб., но какъ, во-первыхъ, 30 р. (20%) не всегда получаютъ, а при обязательномъ выкупѣ даже вовсе не выдаются; во-вторыхъ, изъ $5\frac{1}{2}$ десят. собственно удобной и производительной земли, т. е. усадебной, пашенной и сѣнокосной, можно считать только 4 десятины на каждую ревизскую душу, то цѣнность 4 десятинъ и должна составлять 120 р., а каждой — 30 р. Эта послѣдняя цифра и принята за обыкновенную цѣнность производительной земли по Новгородской губерніи, а 5% этой стоимости за нормальный годово́й доходъ. Всѣ же прочія земли, преимущественно лѣса, часто цѣнные, оцѣнены огуломъ по 1 р. 50 к. за десятину, а нормальный доходъ съ нихъ (5%) опредѣленъ въ $7\frac{1}{2}$ к. Но при этомъ предположено взимать съ лѣсныхъ пространствъ дополнительный сборъ (попенныя деньги) при сплавлѣ лѣсовъ на продажу.

Помноживъ количество десятинъ того и другаго разряда земель на эти цифры, т. е. на 1 р. 50 к. и $7\frac{1}{2}$ к., получится нормальный чистый доходъ съ тѣхъ уѣздовъ, въ которыхъ душевой надѣлъ составляетъ $5\frac{1}{2}$ десятинъ. Для сравненія же съ ними земель прочихъ уѣздовъ, гдѣ вообще земля менѣе цѣнна, и гдѣ надѣлъ составляетъ 6 и 7 десятинъ, послѣднія принято считать равными $5\frac{1}{2}$ десятинамъ.

Отсюда видно, что весь этотъ расчетъ держится на двухъ условіяхъ: 1) на составленной искусственно и гадательно цѣнности десятины культурной земли въ Новгородской губерніи въ 30 р.; 2) на отношеніи, составленномъ еще болѣе гадательно и уже безъ всякаго основанія, между первымъ и вторымъ разрядами земель, именно какъ $150 : 7\frac{1}{2}$ или проще $20 : 1$, т. е. первый разрядъ оцѣненъ въ 20 кратъ дороже втораго, къ которому причислены лѣса и выгоны, такъ какъ уже затѣмъ остающіеся чистые пески и болота признаны вообще неудобными землями. Но хотя и было заявлено, какъ замѣчено выше, что эти данныя выработаны на основаніяхъ, принятыхъ въ положеніи о выкупѣ, однакожь всякій, кто мало-мальски знакомъ съ этимъ положеніемъ, конечно этого тождества не подтвердитъ. Въ самомъ

преданія, которыми вообще дорожатъ потомки, помимо всякихъ утилитарныхъ цѣлей, а собственно

дѣль, душевой надѣль, по положенію въ $5\frac{1}{2}$ десят., за который назначено оброка 9 рублей, распредѣляется соответственно этого оброка такъ: за первую десятину, именно усадебной и пашенной земли, назначено взимать 4 р. 50 к., за вторую, предполагаемую сѣнокосной, 2 р. 25 к., а за третью, четвертую, пятую и половину шестой, предполагая эти десятины выгонными, а частію поросшими дровянымъ лѣсомъ, по $64\frac{2}{7}$ коп. за каждую,—что все вмѣстѣ и составитъ 9 руб.—Эти цифры тоже можно назвать нормальными, иначе мы не понимаемъ что должно разумѣть подь *нормою*?—Но 4 р. 50 коп. постоянного дохода опредѣляютъ цѣну десятины перваго разряда земель, по капитализаціи изъ 6%, въ 75 руб.; а низшаго разряда, въ которомъ съ десятины положено $64\frac{2}{7}$ коп.—въ 10 р. $71\frac{3}{7}$ к. Какъ же это согласовать съ придуманною управою фикціею? Вѣдь въ положеніи о выкупѣ отношеніе между худшими и лучшими землями опредѣляется какъ 7:1; т. е. лучшія земли принято считать только въ *семь кратъ* дороже худшихъ. Управою же выработано отношеніе 20:1; т. е. лучшія земли принято считать въ *двадцать кратъ* дороже худшихъ, дороже даже строевыхъ лѣсовъ! Можно ли было придумать что-либо болѣе выгодное для владѣльцевъ лѣсныхъ пространствъ? Между тѣмъ задушевная мысль земства была, кажется—быть справедливыми къ меньшей нашей братіи, цѣнить прочія земли по крайней мѣрѣ во столько же, сколько получаютъ землевладѣльцы по уставнымъ грамотамъ даже за земли, гдѣ иногда вмѣсто лѣса имѣется тощая молодая поросль или по ботаническому грунту растутъ кусты и ивнякъ. Хотя обыкновенно и возражаютъ противъ этого, что съ крестьянскихъ надѣловъ взимается сборъ только съ 4 десятинъ, а прочія $1\frac{1}{2}$ десятины вовсе не принимаются въ расчетъ, но это облегченіе не много значить, потому что каждая десятина всетаки оцѣнивается въ 30 р. Изъ нашей практики мы знаемъ, что болѣе двухъ десятинъ пашенной земли, вмѣстѣ съ усадебною, не приходится въ сложности на ревизскую душу; затѣмъ не болѣе десятины покосовъ, а остальное или выгонныя мѣста или плохой лѣсъ, гдѣ клочками сдѣланы расчистки подь сѣнокосъ, а всѣ такія земли должны бы быть, для уравненія, отнесены ко 2-му разряду.

какъ образцы такой системы взиманія податей и общественныхъ сборовъ, которая, по крайней мѣрѣ по нашему мнѣнiю, гораздо рациональнѣе нами придуманной уравниваетъ между плательщиками повинности, соотвѣтственно получаемымъ отъ земель доходамъ. Въ этомъ легко убѣдиться даже при самомъ поверхностномъ обзорѣ писцовыхъ книгъ. И достойно удивленiя, какъ предки наши успѣли устроиться такимъ образомъ при всей скудости тогдашнихъ фискальныхъ средствъ и при совершенномъ отсутствiи научныхъ знанiй, когда о геометрiи и межеванiи у нихъ и помину не было *). Не ревизская душа и не опредѣленный геометрически участокъ земли, какъ теперь, составляли тогда *экономическiя единицы*, подлежащiя обложенiю, но дворъ (усадьба) вмѣстѣ съ ея хозяиномъ (такъ на примѣръ «дворъ Степанка Маркова....» «дворъ Митронка Микулкина да сына Сенки» **), а съ двора шла подать по числу обжей, засѣваемыхъ коробовъ ржи, собираемыхъ копенъ сѣна и съ другихъ сельско-хозяйственныхъ произведенiй. Поэтому, съ одной стороны настоящiя производительныя рабочiя силы: взрослый человѣкъ и лошадь, вмѣстѣ съ необходимыми для

*) Первая ариѳметика съ арабскими цифрами, съ приложенiемъ начальныхъ познанiй о измѣренiи земли, сочиненная на славянскомъ языкѣ Леонтьемъ Магницкимъ, явилась только въ самомъ началѣ XVIII столѣтiя.

**) См. далѣе.

нихъ помѣщеніемъ и прочими принадлежностями, а съ другой, добываемые этими силами продукты земли—вотъ тѣ естественные элементы, изъ которыхъ слагалась настоящая хозяйственная единица и по которой опредѣлялись общественные сборы. И если одинъ домохозяинъ засѣвалъ три короба ржи, при одной обжѣ, а другой при двухъ обжахъ, или сохѣ безъ трети, 6 коробовъ, то съ перваго противъ втораго бралось только въ половину. Тутъ же принималось въ расчетъ и то, не сѣялъ ли первый кромѣ ржи и сопричастныхъ къ ней хлѣбовъ, ячменя и овса, еще пшеницы или льна и проч., а другой не разрабатывалъ ли хмѣлю и не занимался ли пчеловодствомъ и проч., и тогда съ перваго бралась особая подать съ пшеницы или льна, а съ втораго хмѣлемъ или медомъ и проч. Взамѣнъ же продуктовъ съ начала XV столѣтія стали собирать деньги, но всегда въ строго-соотвѣтственномъ количествѣ. Такимъ образомъ каждый платилъ подать съ того, что дѣйствительно прибрѣталъ отъ земли, а не потому только, что по ревизской сказкѣ, или по особой припискѣ, онъ числится по такому-то селенію, хотя въ дѣйствительности у него нѣтъ ни кола ни двора, или не потому только, что за нимъ по уставной грамотѣ числится $5\frac{1}{2}$ десят. земли, хоть бы обрабатывать ихъ ему было не чѣмъ, такъ какъ у него нѣтъ не только лошади, даже овцы. И такъ развѣ это хуже нынѣшняго, гдѣ огульный счетъ

десятины имѣеть такое преобладающее вліяніе и на наши цензы и на наши платежныя средства, безъ надлежащаго выясненія получаемаго съ земель дохода? Развѣ это хуже подушнаго оклада, гдѣ, какъ часто случается, съ двухъ семей, состоящихъ изъ одинаковаго числа ревизскихъ душъ, собирается поравно, хотя въ одной семьѣ оказывается одинъ только настоящій работникъ, а въ другой два и болѣе *)?

Не въ укоръ будь намъ сказано, мы не только не имѣемъ подобныхъ подворныхъ описей, которыя находимъ въ писцовыхъ книгахъ и безъ которыхъ не мыслима сельско-хозяйственная статистика, альфа

*) По тѣмъ свѣдѣніямъ, которыми мы пробавляемся теперь, можно приобрѣсти цензъ почти за даромъ, и потомъ вліять на собранія сколько душъ угодно, помимо истинно земскихъ интересовъ. Теперь это ловушка, чрезъ которую могутъ проползти всѣ, даже вовсе не заинтересованные въ земскихъ дѣлахъ, но неимѣнію собственныхъ хозяйствъ, но жаждущіе земскаго хлѣба и чтобъ какъ-нибудь пріютиться въ земствѣ для собственнаго пропитанія. Тоже можно замѣтить и относительно мировыхъ судебныхъ установленій. Съ другой стороны, и многіе нынѣшніе тысячники, т. е. владѣющіе тысячами десятинъ вырубленныхъ лѣсовъ и на многіе годы распростившіеся съ хозяйствомъ, предоставивъ по себѣ пожинать плоды своимъ внукамъ, также становятся плохими земскими людьми. У нихъ другая забота — на умѣ, когда ихъ залучишь въ собраніе — какъ можно меньше сборовъ, а впрочемъ трава не рости... Вотъ отчего, между прочимъ, кривится земское дѣло и вмѣсто энергичныхъ и компетентныхъ дѣятелей, въ которыхъ оно такъ нуждается, часто тормозится или индифферентами, или людьми съ самыми узкими, своекорыстными цѣлями.

и омега всѣхъ нашихъ хозяйственныхъ операцій, но у насъ даже нѣтъ достаточно вѣрныхъ общихъ списковъ всѣмъ землевладѣльцамъ, съ обозначеніемъ точнаго количества владѣемой каждымъ земли. То, что имѣется, это старая ветошь, сотканная нѣкогда уѣздною полиціею и канцеляріями дворянскихъ предводителей, и на которую уѣздныя управы наложили и продолжаютъ накладывать только новыя заплаты. За то что ни справка, то ошибка **). Мудрено-ли

*) По крайней мѣрѣ таковъ списокъ землевладѣльцамъ, которымъ пробавляется Новгородскій уѣздъ до грядущихъ дней. Способъ, по которому повѣрялись цифры, вошедшія въ окладные листы, не многимъ былъ лучше того способа, которымъ собирались нѣкогда полиціею и канцеляріями дворянскихъ предводителей статистическія свѣдѣнія по уѣздамъ. И что было провѣрено кое-какъ по указаніямъ владѣльцевъ, то уже потомъ и не провѣрялось въ теченіе истекшихъ лѣтъ, не смотря на то, что имѣнія безпрестанно измѣняются и сами по себѣ и въ отношеніи къ владѣльцамъ. Хотя Губернскою Управою и придуманы были особыя окладныя книги, въ большомъ форматѣ, съ расграфленными листами, для разныхъ разрядовъ земель, и къ нимъ въ увеличенномъ масштабѣ приложены планшеты, съ обозначеніемъ границъ каждой усадьбы — пособіе чрезвычайно важное, на которое и потрачено значительно денегъ; хотя эти книги давно разосланы по уѣздамъ съ предложеніемъ отъ Губернскаго Собранія, которое ихъ апробовало, чтобы вносились въ нихъ требуемая свѣдѣнія съ тщательною предварительною повѣркою; но въ большей части управъ онѣ и до-сихъ-поръ покоятся въ шкафахъ. Да и то сказать, если мы будемъ заниматься подобною дрянью, то гдѣ же намъ достанетъ времени на писаніе и отписываніе бумагъ — этой настоящей сути земскаго дѣла? Намъ рассказывали, что въ одной управѣ до того вошло въ сласть писаніе, что члены переписываются между собою даже и тогда, когда находятся въ сборѣ, сидя въ разныхъ комнатахъ, и тогда изъ рукъ въ руки переходятъ

*

послѣ этого, что не смотря на четырехлѣтіе прожитой новой жизни земства, мы тщетно ищемъ милліона десятинъ земли, которымъ дразнить насъ топогра-

между ними занумерованные и запечатанные конверты, и хотя законъ постановилъ, чтобъ земскимъ хозяйствомъ заправляла коллегія, однакожь на самомъ дѣлѣ вся эта безконечная переписка производится по инициативѣ одного принципала. Какъ не дорожить такимъ принципаломъ! Но это только рассказывали о третьемъ лицѣ, потому можно и усомниться въ рассказѣ, а вотъ какъ рассказываетъ сама о себѣ Новгородская Уѣздная Управа объ исполненіи этого важнаго и все-поглощающаго занятія. Въ печатномъ докладѣ своемъ, представленномъ собранію въ послѣднюю сессію, Новгородская Уѣздная Управа съ большою подробностью исчисляетъ всѣ тѣ вѣдомства, съ которыми она преусердно занималась этими приливами и отливами. Вотъ это мѣсто, списанное нами со всею типографическою точностію: «Къ сему Управа имѣетъ честь доложить Земскому Собранію, что по неудовлетворительному поступленію суммъ о немедленномъ взысканіи таковыхъ съ крестьянскихъ обществъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ предписывалось волостнымъ правленіямъ, — съ землевладѣльцевъ препровождены недоимочныя вѣдомости къ становымъ приставамъ, о содѣйствіи приставамъ и о наблюденіи за волостными правленіями къ успѣшному взысканію, сообщено гг. Мировымъ Посредникамъ, въ октябрѣ же мѣсяцѣ сообщено Новгородскому исправнику о содѣйствіи его ко взысканію съ кого слѣдуетъ недоимки по препровожденнымъ недоимочнымъ вѣдомостямъ гг. становымъ Приставамъ. О недоимкахъ же числящихся за торговья свидѣтельства и съ недвижимыхъ имуществъ производилась переписка съ Городскимъ и уѣзднымъ полицейскими Управленіями, Градскою Думою, Губернскимъ Правленіемъ и г. Начальникомъ губерніи. По слабому поступленію суммъ съ гг. землевладѣльцевъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ предписано волостнымъ правленіямъ объ удержаніи изъ оброковъ крестьянъ, подлежавшихъ къ уплатѣ тѣмъ землевладѣльцамъ, за которыми числится недоимка. Къ 1-му января 1868 г. многія недоимки измѣнились, поэтому составлены были новыя недоимочныя вѣдомости и отосланы 19 января въ Новгородское уѣздное полицейское управленіе и волостныя правленія, 13 апрѣля Управа писала всѣмъ гг.

фическая карта нашей губернии и который до-сихъ-поръ отъ насъ ускользаетъ? Но такими путями не отыскать намъ его. Онъ будетъ продолжать мере-

землевладѣльцамъ самимъ, и просила ихъ объ уплатѣ недоимокъ, причемъ приложенъ былъ каждому печатный экземпляръ выписки изъ Высочайше утвержденнаго 8 февраля 1864 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта о мѣрахъ взысканія недоимокъ, а 16 апрѣля сообщалось Новгородскому исправнику о содѣйствіи его ко взысканію съ кого слѣдуетъ недоимокъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ сообщалось становымъ приставамъ о взысканіи недоимокъ, а о содѣйствіи имъ тогда же сообщалось Мировымъ Посредникамъ, переписки было достаточно; но за всѣмъ тѣмъ поступленіе суммъ, къ сожалѣнію, крайне неудовлетворительно и не покрываетъ даже текущихъ неизбѣжныхъ расходовъ».

Къ этимъ словамъ прибавлять не много надобно: они такъ краснорѣчивы! Замѣтимъ только гг. членамъ Управы, что вмѣсто этого рукодѣлія, хотя оно красиво и узорчато, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, и за него въ иныхъ мѣстахъ платятъ большія деньги, какъ за валансьенскія кружева, все-таки было бы лучше для земства, если бы они почаще сновали по деревнямъ съ цѣлю изученія сельско-хозяйственнаго быта, во всѣхъ отношеніяхъ, и платежныхъ средствъ обитателей, въ особенности. Тогда бы они наши, что ларчикъ недоимокъ просто открывался, и потому оставалось бы имъ или черпать оттуда недоимки простыми руками, безъ посредства атрибутовъ полицейской власти, помимо всякихъ приставовъ и посредниковъ, или прямо заявить, что ларчикъ пусть и брать нечего. Кроме того, такое непрерывное снованіе въ своемъ муравейникѣ, съ свѣточемъ науки въ рукахъ, какъ оно съ перваго раза ни казалось бы мелкимъ, воскресило бы дѣйствительно муравейную жизнь въ общинахъ, что такъ желательно и для всей государственной жизни, потому что только путемъ дифференціаловъ человѣческой умъ приходитъ къ интегрированію самыхъ важныхъ государственныхъ вопросовъ. Безъ того и наша статистика, которою занимается легіонъ комитетовъ, будетъ переливать только изъ пустаго въ порожнее. Откуда же и добывать имъ настоящія свѣдѣнія, какъ не изъ уѣздныхъ управъ? Свѣдѣнія, добываемыя изъ полицейскихъ управленій, уже достаточно испробованы.

щиться намъ въ туманѣ, какъ тотъ кокоревскій милліардъ, которымъ, по газетной статьѣ, такъ легко разрѣшался нѣкогда крестьянскій вопросъ.

Наши познанія о нашихъ земляхъ до того вообще скудны, что не только настоящаго дохода съ нихъ мы не знаемъ, но находимся даже въ лихорадочномъ раздумьѣ о томъ, стоитъ ли владѣть ими! И если бъ это была дѣйствительная правда, что нормальный доходъ съ десятины нашихъ земель перваго разряда не превышаетъ 1 р 50 к., а втораго, съ его прекрасными лѣсами, 7¹/₂ коп. *), тогда намъ всѣмъ, гуртомъ, пришлось бы, взявъ котомки на плеча, отправиться куда-нибудь въ степи самарскія или оренбургскія. Это уже было бы не переселеніе кучками голодныхъ латышей и эстовъ, которымъ между тѣмъ мы такъ охотно предлагаемъ наше гостепріимство, а нѣчто въ родѣ великаго переселенія народовъ, такъ какъ и Псковская и Смоленская и Тверская и другія сѣверныя губерніи, находящіяся съ нами почти въ одинакихъ условіяхъ, неминуемо должны бы были за нами послѣдовать **)...

*) Когда за одно бревно по ремонтнымъ смѣтамъ, почти по всей губерніи, платится 30, 40 коп. и болѣе...

**) Пропѣтый намъ г. Колюпановымъ Requiem (см. «Три года Новгород. Земства», Вѣстникъ Европы, февраль 1868 г.) не есть ли грѣхъ собственнаго нашего невѣдѣнія края, о чемъ мы на свою голову поспѣшили даже опубликовать? Нельзя сѣтовать, что г. Колюпановъ такъ покончилъ съ нашею губерніею, на основаніи нами же

И на такомъ-то шаткомъ, зыблющемся основаніи начавъ воздвигать новое зданіе, вершинъ котораго и не предвидимъ, мы уже наткнулись на весьма курьезное заключеніе, что для уравненія губернскаго земскаго сбора между уѣздами, часть изъ нихъ не только не должна ничего вносить въ этотъ сборъ, но еще, для поддержанія своего существованія, должна получать субсидіи отъ прочихъ уѣздовъ! Мудренѣе этого не выдумалъ бы и самъ царь Соломонъ! Можно себѣ представить какъ обрадовались этой находкѣ наши лѣсные уѣзды, въ которыхъ и безъ того поземельный доходъ съ десятины по преимуществу опредѣленъ въ $7\frac{1}{2}$ к., такъ какъ лѣсовъ тамъ едва ли не $\frac{9}{10}$ всего пространства! Чиновники же вѣдомствъ Удѣльнаго и Государственныхъ Имуществъ даже и этого дохода не признаютъ *).

опубликованныхъ данныхъ, когда для насъ самихъ наша Новгородія составляетъ до-сихъ-поръ terra incognita.

*) Любопытно здѣсь взглянуть на значеніе ценза по принятому нормальному доходу. Кто владѣетъ напр. 350-ю десятинами лѣснаго пространства, того доходъ по нормальной оцѣнкѣ простирается только до 26 р. 25 к. Послѣ того говорятъ еще, что у насъ не довольно широкое право избирательства! Но тутъ, между тѣмъ, съ другой стороны, вотъ что проявляется: иной владѣя усадьбою со 100 и менѣе десятинами земли, которая приноситъ ему нѣсколько сотенъ дохода, не можетъ быть ни прямымъ представителемъ земства, ни судьей. Такая же несообразность теперь обнаруживается и въ правѣ на голосъ въ дворянскихъ собраніяхъ. Кажется, при нынѣшнемъ огромномъ спросѣ на здоровыя и свѣжія головы, это обстоятельство не слѣдуетъ терять изъ виду.

мнѣнія, что еслибъ согласно съ тою кадастровою основою, несмотря на всю ея младенческую форму, которая была усвоена писцовыми книгами XIV и XV столѣтій, постепенно развивалось настоящее земское дѣло, а генеральное межеваніе, введенное въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія, примкнуло къ той же развивающейся формѣ, а потомъ все болѣе и болѣе специализировалось, то мы имѣли бы теперь удовлетворительный кадастръ. Къ сожалѣнію, равномерность въ поступательномъ развитіи не суждена была Новгородскому краю. Разгромы ли этого края сперва двумя Іоаннами, литовскія или шведскія нашествія, которыя до-сихъ-поръ даютъ о себѣ память въ множествѣ кургановъ, разбросанныхъ на большое пространство, особенно по бывшей Вотской пятинѣ; неимовѣрныя ли тяжести, которыя несъ этотъ несчастный край во все продолженіе царствованіе Петра Великаго *), даже и позже, или все это вмѣстѣ съ придачею крѣпостничества и подконецъ незабвенной аракчеевщины, только благія на-

*) Особенно при основаніи и первоначальномъ устройствѣ Петербурга и во время Сѣверной войны. Вспомнимъ при этомъ патріотическій подвигъ въ сенатѣ князя Якова Долгорукова. Впрочемъ, посмотрѣвъ на обратную сторону медали, мы увидимъ, что тотъ же Петръ, по преимуществу человекъ будущаго, выжимая сокъ изъ Новгорода, въ то же время дарилъ ея потомковъ обширнымъ рынкомъ, которымъ если мы теперь не умѣемъ какъ слѣдуетъ пользоваться въ нашей агрономической дѣятельности, то ужъ конечно не вина Великаго.

чатки цивилизаціи пропали безслѣдно, оставивъ лишь по себѣ память въ изданіяхъ Археографической Коммисіи. Посмотримъ однакожь, не извлечемъ ли изъ этого архивнаго достоянія какой-либо существенной для себя пользы при разработкѣ столь важнаго и многосложнаго вопроса, которымъ задалось теперь Новгородское земство, особенно если не полѣнимся читать между строками и вдумываться до недосказаннаго. Если Кювье по одной челюсти допотопнаго животнаго могъ возстановить весь его скелеть, то намъ, надѣмся, предстоитъ далеко не столь трудная задача, чтобъ мы могли отъ нея отказываться. Другіе поправятъ и пополнятъ потомъ, что нами ошибочно понято или не договорено *). Согласно предположенной цѣли, ограничимся весьма немногими выписками изъ писцовыхъ книгъ, тѣмъ болѣе потому, что въ нихъ сельско-хозяйственное описаніе не только волостей, но и погостовъ одина-

*) Избранная въ послѣднюю сессію коммиссія должна выработать новыя начала для раскладокъ по земскимъ сборамъ и вмѣстѣ начертать инструкцію для той коммиссіи, которой предназначается объѣхать губернію въ теченіе трехъ лѣтъ и собрать на мѣстѣ тѣ свѣдѣнія, которыя отъ нея теперь требуются. Успѣхъ предполагаемаго предпріятія можетъ быть столь значителенъ, послѣдствія его могутъ быть столь обильны, что торопиться въ этомъ дѣлѣ отнюдь не слѣдуетъ. Лучше отсрочить отъѣздъ коммиссіи, которую предполагается отправить съ наступленіемъ лѣта, чѣмъ снабдивъ ее недостаточно выработанными данными, допустить, чтобъ она потомъ дѣйствовала безъ строго-обдуманнаго плана. Такихъ жертвъ земство дважды дѣлать не можетъ.

ково, такъ что зная одинъ погостъ, легко себѣ представить что содержится и въ другомъ. Выписки эти берутся изъ писцовой книги Вотской пятины и касаются до Спасскаго погоста, расположеннаго по рѣкѣ Оредежи, въ самомъ углу сѣверо-западной окраины нынѣшняго Новгородскаго уѣзда, смежной съ Лутскимъ, съ большею частію котораго Новгородскій уѣздъ и составлялъ нѣкогда одну общую пятину— Вотскую. Любопытно самое заглавіе этой книги, составленной въ 1500 году, такъ какъ оно вкратцѣ исчисляеть и тѣ сословія, которыя владѣли землями. Вотъ это заглавіе: *«Книги воцкие пятины писма дмитрея васильевича китаева да никиты губы *) семенова сына моклокова, лѣта семъ тысячъ осмаго. а в нихъ писаны пригороды и волости и ряды и погосты и деревни великаго князя и за бояры и за детми за боярскими и за служылыми людми за помѣстички и своеземцовы и купетичкие деревни и владычни и монастырские деревни в сохи по Новгородскому. а в сохъ по три обжы. а на пригороды, на посады и на великаго князя волости и на села и на деревни кладенъ великаго князя оброкъ*

*) Губной староста, завѣдывавшій цѣлою губою, т. е. извѣстною окраиною страны. Прозвища: «Дмитрій Васильевичъ Китаевъ», и «Никита Семеновъ сынъ Моклоковъ» тотчасъ обозначаютъ іерархическое различіе между двумя лицами, довольно взглянуть на окончанія *ичъ* и *овъ*: одинъ бояринъ, начальникъ, распорядитель, другой— дѣлецъ, настоящій чиновникъ, работникъ.

рубли и полтинами и гривнами и денгами новгородскими в новгородское число».

Вотская пятна вообще была обширна: она простиралась отъ всей лѣвой стороны Волхова на западъ до Копорья, Яма (Ямбурга) и Ладоги, включая въ себѣ тогдашніе уѣзды: Новгородскій, Копорскій и Ямской. Въ Новгородскомъ уѣздѣ, въ который входила большая часть нынѣшняго Лугскаго, считалось 20 погостовъ, въ Копорскомъ 13, въ Ямскомъ 3, и сверхъ того особо городъ Ладога.

64209
Слѣдующіе погосты входили въ составъ Новгородскаго уѣзда: 1) Григорьевскій Кречневскій, 2) Никольскій Пидебскій, 3) Заверяжье, 4) Егорьевскій Лугскій, 5) Дмитриевскій Гдитскій, 6) Климентскій Тесовской, 7) Спасскій на Оредежи, 8) Сабельскій, 9) Успенскій, 10) Коситскій, 11) Никольскій Передольскій, 12) Дмитриевскій Городенскій; 13) Никольскій Бутковскій; 14) Ильинскій Тиготскій, 15) Солетскій на Волховѣ, 16) Андреевскій Грузинскій, 17) Коломенскій на Волховѣ, 18) Антоновскій на Волховѣ, 19) Петровскій на Волховѣ и 20) Ивановскій Переѣжскій.

Погосты были обширнѣе нынѣшнихъ, такъ какъ церквей было гораздо менѣе. Въ составъ Спасскаго погоста, который мы для примѣра приводимъ, входятъ теперь слѣдующія селенія: 1) *деревня Ямъ*, прежнее сельцо при погостѣ; 2) *Сѣла*, двѣ господскія усадьбы, 3) дер. *Выскидно*, 4) дер. *Моровино*

и 5) *Щупоголово*, усадьба господская и деревня. Въ нихъ по послѣдней народной переписи считалось всего 457 душъ мужескаго пола. Но въ 1500 году этотъ погостъ заключалъ въ себѣ вотъ какія селенія: 1) *сельцо при погостѣ*, 2) *Дуброво*, 3) *Оулисово*, 4) *Шуче на Лукѣ* *) *при часовнѣ*, 5) *Климово*, 6) *Замогиле*, 7) *Моглогостье*, 8) *Сѣла*, 9) *Пчелно*, 10) *Заполье*, 11) *Буино*, 12) *Моровино*, 13) *Микулкино*, 14) *Щупоголово*, 15) *Колище*, 16) *Островъ*, 17) *Выскидно* и 18) *Нашское*. Изъ нихъ Дуброво, Шуче, Оулисово, Климово, Замогиле, Моглогостье, Пчелно, Буино, Колище и Нашское исчезли совершенно, перемѣщаясь въ прочія; названія нѣкоторыхъ изъ нихъ остались только за пустошами. Заполье, Микулкино и Островъ отошли къ сосѣднимъ погостамъ.

Такое исчезновеніе маленькихъ деревень не есть признакъ только Спасскаго погоста, а почти всѣхъ погостовъ, въ чемъ можно удостовѣриться изъ писцовыхъ книгъ. Пока крестьяне не были закрѣплены за помѣщиками, число выселковъ возрастало, что впрочемъ вполне соотвѣтствовало лѣснымъ и болотистымъ пространствамъ, между которыми на возвышеніяхъ, большею частію небольшихъ размѣровъ, но отличающихся хорошею почвою, водворялись се-

*) Лука, древнее «луче» часть земли, ограниченная съ трехъ сторонъ водою,— мысъ (см. Опытъ областного великорусскаго словаря).

ленія, обыкновенно сперва въ одинъ дворъ, а потомъ въ два или нѣсколько. Больше десяти дворовъ встрѣчается рѣдко. Послѣ же закрѣпленія видимъ обратное дѣйствіе:— скучиваніе дворовъ въ болѣе обширныя селенія. Такимъ образомъ скучиваніе дворовъ, въ чемъ мы совершенно ясно можемъ удостовѣриться изъ писцовыхъ книгъ, прямо ведущее къ общинному пользованію землею, вовсе не есть древнее и какъ бы общее условіе нашей русской провинціальной жизни, а скорѣе вынужденное мѣрами репрессивными *). Скорѣе можно допустить

*) Въ Новгородской губерніи, испещренной множествомъ рѣкъ, рѣчекъ, озеръ, болотъ, холмовъ и овраговъ, какъ бы самую природою назначены мелкія селенія, потому что плодородная земля среди песковъ и торфа разбросана какъ бы небольшими оазами. Большихъ сплошныхъ плодородныхъ пространствъ встрѣчается мало. Вотъ почему при скучиваніи селеній, когда явилась потребность приурочивать пашни ближе къ усадьбамъ, въ число полей должно было войти и много дурныхъ земель. Этимъ объясняется, что въ болѣе населенныхъ деревняхъ, а также въ усадьбахъ средней величины обыкновенно одно поле измѣняетъ культурѣ, такъ что хозяева впередъ уже увѣрены, что съ него не соберутъ обильнаго урожая. Между тѣмъ въ пустошахъ, за отдаленностію недоступныхъ для воздѣлыванія, лежитъ много плодородныхъ мѣстъ безъ всякой производительности. Крестьяне втайнѣ радуются *меженнѣ*, какова была въ прошлое лѣто, потому что съ пустошныхъ гарей, хоть въ десять лѣтъ разъ, можно снять тогда сливочки. Природа прямо въ-очью говоритъ иногда людямъ, какъ бы имъ слѣдовало размѣститься, чтобъ всѣмъ было хорошо жить; но, нѣтъ, они обыкновенно такъ перехитрятъ, что начинаютъ потомъ мѣшать одинъ другому. Можетъ быть тутъ кроется одна изъ причинъ, что менѣе нежели миліонное населеніе, при пространствахъ недалеко ушедшемъ отъ цѣлой Франціи, тяготеетъ

наоборотъ, что еслибъ сельская жизнь XVI столѣтія продолжала развиваться самобытно, число мелкихъ селеній возрастало бы все болѣе и болѣе, такъ какъ и мѣстныя условія и хозяйственная потребность объединяться вполнѣ этому способствовали. Кстати замѣтимъ, что пора бы нашимъ социалистамъ, часто непризваннымъ *soi disant* друзьямъ народа, а за ними и незлобивымъ сердцемъ славянофиламъ, исторически провѣрить любимое ихъ дѣтище — общинное хозяйство, которое въ настоящее время служитъ одною изъ главныхъ причинъ безвыходной бѣдности нашего крестьянства, особенно въ большихъ селе-

своимъ прокормленіемъ. Когда встрѣчаешь, напр. въ нынѣшней Тесовской волости деревни, водворенныя на самыхъ дурныхъ земляхъ, такъ что удивляешься какимъ образомъ могли забраться въ такія труппы люди, не осудивъ себя впередъ на постоянную нищету, то всегда находишь и причины такого ненормального водворенія. Таковы, на примѣръ, деревни: Родофиникина Горка, населенная чухнами, Нивки, Толстое и Веретье, Бѣленокъ и нѣкоторыя другія. Сначала за справками обращаешься къ писцовымъ книгамъ, но тамъ такихъ деревень нѣтъ; когда же потомъ продолжаешь изысканія, то и узнаешь, что всѣ онѣ возникли въ позднѣйшее время единственно силою и произволомъ крѣпостнаго права. Родофиникина Горка переброшена въ едва проходимыя болота изъ Ямбургскаго уѣзда; среди такихъ же болотъ, какъ бы на полуостровкѣ, населены Нивки крестьянами изъ Псковской губерніи, къ которымъ можно добраться только съ одной стороны чрезъ гати; Толстое и Веретье — крестьянами Лугскаго уѣзда, которые жили до того уединенно, что Новгородская Казенная Палата и не вѣдала объ ихъ существованіи, такъ что только послѣ 19 февраля 1861 года они были перечислены изъ С.-Петербургской губерніи, гдѣ числились по ревизскимъ сказкамъ и куда вносили подати.

ніяхъ, осуждая его по земледѣльческому производству на неподвижность *). Пора бы перестать ссылаться на древность, которая удостоверяетъ совѣмъ въ противномъ; пора бы наконецъ научиться не смѣшивать два различныя понятія: «*собираательная единица хозяйственная*» и «*собираательная единица административная*» **).

Въ перепись по каждому селенію входили рубрики: 1) наименованіе владѣльцевъ, какъ прежнихъ такъ и *ново-сведенныхъ* бояръ ***) и боярскихъ дѣ-

*) Слава Богу, вопросъ этотъ все болѣе и болѣе затрогивается и разъясняется. Въ № 83-мъ С.-Петербургскихъ вѣдомостей помещенъ доклад П. Л. Корфа «О вліяніи общиннаго пользованія землею на крестьянскій бытъ», прочитанный имъ въ Петербургскомъ Собраніи сельскихъ хозяевъ 18 февраля 1869 года. Интересна въ немъ именно первая часть, гдѣ практично и дѣльно описывается такого рода пользованіе землею и плачевныя его послѣдствія для крестьянскаго быта; по что касается до второй части, до врачеванія этой страшной болячки, то она, по нашему мнѣнію, изложена слабенько....

***) Южныя губерніи другое дѣло: тамъ раздольныя степи обижали людей; да и тамъ обширныя деревни плохая гарантія для сельскаго хозяйства.

****) В. К. Іоаннъ II, по уничтоженіи вольностей новгородскихъ и удаленіи Марѣи Борецкой, заподозрѣнныхъ имъ бояръ новгородскихъ перевелъ въ Московское княжество, а оттуда посадилъ на новгородскія земли бояръ московскихъ, которые въ писцовыхъ книгахъ именуется *новосведенными боярами*. Такъ въ Вотской пятинѣ розданы помѣстья служилымъ людямъ Тучковымъ, Ряполовскимъ, Шереметевымъ и др. (Русская Истор. Устрялова, ч. 1-я, стр. 207). Костомаровъ же въ своей исторіи Новгорода (часть 1-я, стр. 234) говоритъ, что «по подозрѣнію въ нерасположеніи къ московской власти болѣе тысячи семей купеческихъ и дѣтей боярскихъ, выслали изъ Новгорода и поселили въ Переяславль, Владимірѣ, Юрьевѣ,

тей, монастырей и проч., равно своеземцевъ; 2) перечисленіе дворовъ съ обозначеніемъ именъ хозяевъ; 3) озимой посѣвъ въ коробахъ; 4) сѣно въ копнахъ; 5) число обжей, а поэтому и число лошадей; 6) сохи, а потому и число всей пахатной земли, приуроченной къ двору; 7) подати хлѣбомъ и деньгами; 8) особый сборъ въ пользу ключника (сборщика податей).

Для примѣра приведемъ выписку о такъ-названныхъ деревняхъ Марковскимъ Панѣильевыхъ, которыя въ новой переписи зачислены за дѣтьми князя Семена Сергѣевича Ряполовскаго *).

«*Погостъ Спасской на Ардежъ*», (т. е. на рѣкѣ Ордежи) стр. 82 и 83.

«На погостѣ церковь Спасъ-Преображенъе; да на погостѣ жъ: дв. (т. е. дворъ) попъ Иванъ, дв. дьякъ церковной Гридка, сѣютъ ржи десять коро-

Муромѣ, Ростовѣ, Костромѣ и Нижнемъ Новгородѣ». Далѣе «чрезъ нѣсколько дней московское войско погнало болѣе семи тысячъ семействъ въ Московщину, зимою, по морозу, не давъ имъ собраться, не позволивъ ничего взять съ собою; ихъ дома, ихъ недвижимое и движимое имущество — все сдѣлалось достояніемъ великаго князя...» «Такъ добилъ московскій государь Новгородъ и почти стеръ съ земли отдѣльную сѣверную народность» (ibid. стр. 235). Послѣ этого можно себѣ представить сколько новыхъ дѣятелей явилось на новгородской территоріи, когда между землевладѣльцами было много и купцовъ!

*) На канунѣ того дня, когда была схвачена и отвезена въ Москву Марѳа Борецкая (2 января 1478 г.), былъ схваченъ купеческій староста Маркъ Панфильевъ и увезенъ въ станъ великокняжескій находившійся тогда въ Городищѣ (см. Истор. Монографіи и Изслѣд. Ник. Костомарова, томъ VII, стр. 231).

бей, сѣна косятъ восемьдесятъ копень; пашня подъ ними церковная: въ обжы не положены».

«Въ Спаскомъ же погостѣ великого князя волости и села и деревни оброчные старые и новосведенныхъ бояръ».

«Отдано Игнату да Путилу Семеновымъ дѣтемъ Сергѣева князь Семеновскимъ Ряполовскаго».

«Деревни Марковскіе Панѣильева». «Д. Дуброва: дв. Куземка Степановъ, сынъ его Сидорикъ, сѣютъ ржы пять коробей, сѣна косятъ сто копень, полторы обжы; а старого дохода шло четверть изъ хлѣба. Д. на Шучѣ на луѣ у часовни: дв. Микиѳорикъ Ивашковъ, братеничъ его Пантѣлейко Гридинъ, дв. Конанко Захаровъ, дв. Гридка Ивашковъ, дв. Левонко дѣякъ, дв. Карпикъ калпачникъ, сѣютъ ржы двѣнатцать коробей, сѣна косятъ двѣстѣ копень, четыре обжы; а старого доходу шло изъ хлѣба четверть. Д. Ёилисово: дв. Сенка Борисовъ, дв. Михалъ Палкинъ, сынъ его Якушь, дв. Васко Логиновъ, дв. Терешко Смешковъ, сѣютъ ржы десять коробей, а сѣна косятъ двѣстѣ копень, три обжы; а старого дохода шло четыре денги, двѣ бочки пива, два воза сѣна, а изъ хлѣба пятина.»

«И по старому писму три деревни, дворовъ въ нихъ семь, а людей въ нихъ тринатцать человѣкъ, а обежъ шесть, двѣ сохи. А старого дохода съ четырехъ обежъ изъ хлѣба четверть; а съ дву обежъ двѣ бочки пива, два воза сѣна, че-

тыре денги, изъ хлѣба пятинна. И за тотъ за весь за старой доходъ давали оброку рубль и десять гривень. И при старомъ прибыли три дворы, пол-третьи обжы, соха безъ полутрети. А по новому писму три деревни, а дворовъ въ нихъ десять, а людей въ нихъ тринацать чловѣкъ, пол-девяти обжы, три сохи безъ полу-трети *). А великого князя оброку положено на тѣ деревни денгами полшесты гривны; а хлѣба поспомъ пол-девяти коробьи ржы, семьнатцать коробей овса, четыре коробьи ячмени, двѣ коробьи пшеници; а въ которомъ году не взяти хлѣба хлѣбомъ, и за хлѣбъ положено денгами: за коробью ржы десять денегъ, за коробью овса пять денегъ, за коробью ячмени семь денегъ, за коробью пшеници гривна; и того за хлѣбъ денгами рубль и десять денегъ. И всего оброку на тѣ деревни положено денгами и за хлѣбъ и за намѣстничъ кормъ рубль и шесть гривень и три денги, опричь обожные дани. А новые пошлыны ключничы положено на тѣ обжы на Рождество Христо-

*) Знатокъ нашего стариннаго языка В. И. Даль прежде другихъ сталъ объяснять правильно нашъ древній счетъ. По его объясненію: полтретья, полчетверта, полпята, полшеста, полсема, полосма, полдевята и полдесята обозначали: $2\frac{1}{2}$, $3\frac{1}{2}$, $4\frac{1}{2}$, $5\frac{1}{2}$, $6\frac{1}{2}$, $7\frac{1}{2}$, $8\frac{1}{2}$, $9\frac{1}{2}$. Это совершенно согласно и съ писцовыми книгами. Отсюда велись и сложные счеты, напр. дважды полсема, двадцать безъ полутретья и пр. Но полтретья и полутреть ни одно и тоже: полутреть значить одна шестая.

во съ обжы ключнику денга Новгородца, на Великъ день съ обжы денга Московская, на Петровъ день съ обжы денга Московская; и все новыя ключничы пошлыны съ тѣхъ съ полудевяты обжы въ годъ на три праздники гривна и три денги Новгородская», и т. д. и т. д.

Помѣщичьи усадьбы также входили въ перепись, хотя оброку съ нихъ не полагалось.

Такъ на примѣръ (стр. 120-я) «Великого князя деревни Матѣевскіе Телятева, да Оѣимьиньскіе Горошкова за Васюкомъ за Пуцынымъ да за Мордвиномъ за Моравьевымъ селцо и деревни въ помѣстіе».

«Д. Сельцо: дв. самъ Васюкъ *), дв. самъ Мордвинъ, а людей ихъ: дв. Ѳедосъ Фурсовъ, дв. Стешко Тимошкинъ, дв. Онтропко Палкинъ, дв. Ивашко Ѳедковъ; а христьянъ: дв. Ѳедко Палкинъ, сынъ его Алексѣйко, дв. Андрѣйко Палкинъ, сынъ его Дмитрокъ, дв. Малашко Палкинъ, дѣти его Троѣимко да Гридя, дв. Демешко Селиверстовъ, сѣють ржы на Васка и на Мордвина пятнатцать коробей, а сѣна косятъ семьдесятъ копень, четыре обжы; а христьяне сѣють ржы на себя десять коробей, а сѣна косятъ тритцать копень, три обжы; а старого дохода пол-третьянатцаты коробы ржы,

*) Т. е. самъ помѣщикъ; значить и его дворъ входилъ въ опись.

двѣнадцать коробей овса, десять коробей ячмени, четыре коробки безъ четвертки пшеницы, пятокъ льну, боранъ. А нового дохода съ трехъ обейъ пять гривень, а хлѣба поспомъ пять коробей ржи, пять коробей овса, полтретьи коробки пшеницы, пол-третьи коробки ячмени» и т. д....

Стр. 131. «Великаго князя волостка Юрьевская, Гаврилова сына Божи́на, на рѣкѣ на Лузѣ, за Ивашкомъ за Михайловымъ сыномъ, Турчиномъ».

«Д. Боръ: а въ ней дв. самъ Ивашко, дв. человекъ его Сенка, сѣютъ ржи пятнадцать коробей, а сѣна косятъ триста копень, четыре обжы; а старого дохода не было: жилъ въ немъ самъ Юшко Божинъ» *).

По этимъ выпискамъ, елибъ которыя мы стали продолжать, то показалось бы повтореніемъ, можно получить понятіе не только объ описаніи Спасскаго погоста, но и всѣхъ прочихъ погостовъ.

Всего въ Спасскомъ погостѣ въ 1500 г. состояло у разныхъ владѣльцевъ 18 деревень, въ которыхъ считалось 98 дворовъ и въ нихъ 153 хозяина, считая въ нѣкоторыхъ дворахъ по два. Ежегоднаго ржаного посѣва показано 373 короба; сѣна выкашивалось 3,746 копень. По всему погосту насчитывалось 107¹/₂ обжей.

*) Бывшій бояринъ новгородскій.

Подъ словомъ *обжа* *) заключался двоякій смыслъ: во-первыхъ, подъ нею разумѣлась оброчная единица, по которой вообще рассчитывались подати; отсюда выраженіе: *обешная дань*. Что *обжа* въ писцовыхъ книгахъ имѣетъ значеніе оброчной или податной единицы, какъ въ послѣдствіи тягло, на это прямо указываетъ вышеприведенное слѣдующее мѣсто: .. «дв. попь Иванъ, дв. дьякъ церковный Гридка, сѣютъ ржи десять коробей, сѣна косятъ восемьдесятъ копень; пашня подъ ними церковная: въ обжи не положены». Оброку не положено, значитъ нѣтъ и обжи. Съ имѣніи своеземцевъ, также такихъ, которыя отданы были въ помѣстье, обжи сосчитаны, такъ какъ съ нихъ все-таки кое-что взималось. Во-вторыхъ, подъ нею разумѣлся такой участокъ земли, который въ извѣстный періодъ лѣтняго времени обрабатывался подъ посѣвъ ржи однимъ человѣкомъ на одной лошади **). *Соха* имѣла болѣе общее значеніе и скорѣе выражала полный циклъ средствъ дворохозяина. Какъ вещи или орудія, обжи и до-сихъ-поръ составляютъ часть сохи. Подъ обжами разумѣютъ продольную часть станка сохи, именно тѣ

*) Въ Опытѣ Обл. Великор. Слов. просто сказано: «*обжа*—мѣра земли, лукъ.»

***) По Никоновскому списку (51, 97): *обжа одинъ человекъ на одной лошади оретъ. а кто на трехъ лошадяхъ самъ третій оретъ ино то соха.* Отсюда одна обжа—треть сохи, двѣ обжи—двѣ трети сохи, или соха безъ трети, три обжи—соха.

два бруса, къ которымъ прикрѣпляется омешце, рогачъ и матики, и въ которые, какъ въ короткія оглобли, впрягается лошадь. Прямое значеніе этихъ предметовъ, обжи и сохи, одного какъ составной части другаго, перешло и въ переносное, какъ одного участка земли къ другому — большому. Отношеніе обжи къ сохѣ, какъ 1 : 3, намекаетъ на то, что уже въ XV столѣтіи господствующее полеводство было трехпольное, что также видно и изъ перечисленія хлѣбовъ при наложеніи сборовъ. Повидимому два названія: обжа и соха, имѣющія постоянное между собою отношеніе, должны бы въ практикѣ исключать одно другое; но по внимательномъ разсмотрѣніи оказывается напротивъ: кто на извѣстномъ участкѣ въ сельско-хозяйственный годъ высѣвалъ столько-то коробовъ озимой ржи, тому вообще по хозяйству требовалось имѣть втрое болѣе земли, чтобъ можно было выполнять яровой посѣвъ и кромѣ того имѣть парь. Такимъ образомъ подъ *сохою* можно разумѣть и три одинакіе участка земли или обжи, изъ которыхъ на каждомъ однимъ человѣкомъ на одной лошади высѣвалось столько-то ржи, и въ такомъ случаѣ три обжи приравнивались къ одной сохѣ, и одинъ такой участокъ, въ которомъ только въ три послѣдовательные года можно было высѣять то же количество ржи. Итакъ *соха*, какъ орудіе паханія, обходила въ продолженіе земледѣльческаго года все то пространство земли, которое было приурочено къ

крестьянскому двору, гдѣ одинъ хозяинъ работалъ на одной лошади, и въ этомъ смыслѣ подъ нею дѣйствительно можно было легко понимать, помимо извѣстнаго орудія, и опредѣленное пространство культурной земли. Понятно, что чѣмъ меньше развитъ языкъ, тѣмъ чаще встрѣчаются въ немъ слова, имѣющія прямой и переносный смыслъ. Однакожь подъ сохою, не то что подъ нынѣшнею десятиною, разумѣлось все-таки не одно пространство земли, а именно совокупность всѣхъ средствъ, употребляемыхъ при обработкѣ земли. Соха до того служила осязательнымъ промышленнымъ мѣриломъ въ древнемъ періодѣ нашей исторіи, что къ ней приравнялись и всѣ другіе промыслы *). Надо думать,

*) Профессоръ Соловьевъ въ своей исторіи Россіи (том. IV, стр. 218—219), приводя изъ актовъ Арх. экс. 1, № 32-й, слѣдующую выписку: «Братъ князе Великаго черноборцамъ на Новоторжскихъ волостяхъ на всѣхъ, куда пошло по старинѣ, съ сохи по гривнѣ новой, да писцу княжому мортка съ сохи; а въ соху два коня да третья припряжь, да тшанъ кожевничій за соху (идеть), неводъ за соху, лавка за соху, плугъ за двѣ сохи, кузнецъ за соху, четыре пѣшцы за соху, ладья за двѣ сохи» и проч.,—заключаетъ: «такимъ образомъ мы видимъ, что дань платилась съ промысловъ, и опредѣлялась величиною средствъ, употребляемыхъ при обработкѣ земли». Эта замѣтка важна для насъ, ибо при такой точкѣ зрѣнія мы дѣйствительно можемъ отыскать общаго знаменателя для уравненія, относительно сборовъ, сельско-хозяйственныхъ, заводскихъ и городскихъ имуществъ и разныхъ промысловъ; иначе пока мы будемъ руководствоваться настоящими нормами, между горожанами и сельскими обывателями будутъ возникать на земскихъ собраніяхъ нескончаемые споры.

что такъ какъ рожь въ сѣверныхъ губерніяхъ составляетъ основу всего сельскаго хозяйства, какъ на югѣ пшеница, къ которой приурочиваются остальные хлѣба, то количество посѣва ея могло служить мѣриломъ и для объема всего хозяйства. Вотъ почему въ послѣдствіи обжу и соху замѣнила «четверть» въ смыслѣ поземельской мѣры. И въ рукахъ многихъ землевладѣльцевъ до-сихъ-поръ имѣются такіе крѣпостные акты, въ которыхъ количество пашенной земли опредѣляется четвертями, а величина покосной—копнами или кучами. Такъ, напр. «пустошь (такая-то), въ ней 10 четвертей и 100 копенъ». Это значитъ, что въ ней сѣялось 10 четвертей или кулей ржи и собиралось сѣна 100 копенъ, но въ ней, можетъ быть, заключалось всей земли и гораздо болѣе, сколько сѣялось ржи и собиралось сѣна; прочая была непроизводительна и потому въ расчетъ не входила. Такія-то земли, при генеральномъ межеваніи, названы *примѣрными*, т. е. примѣренными, прирѣзанными для пополненія границъ. Изъ множества межевыхъ дѣлъ, восходившихъ до Сената по случаю споровъ о примѣрной землѣ, видно до какой несправедливости доходили часто единственно оттого, что культурную единицу «четверть» стали безсознательно переводить на геометрическую величину «полторы десятины», что потомъ перемѣшалось съ понятіемъ «экономическая десятина». Десять четвертей не лежали въ одномъ мѣстѣ, а были раз-

бросаны участками въ пустоши, которые раздѣлялись между собою низкими поженными мѣстами, ручьями, песчаными буграми и проч.; слѣдственно когда наступалъ раздѣлъ между совладѣльцами, то обнаруживалась чрезвычайная трудность подѣлить ихъ уколomъ такъ, чтобы притомъ каждый получилъ принадлежащую ему часть пашенной земли. Отсюда очевидно, что при обязательномъ раздѣлѣ и при употребленіи правила замѣнять четверть земли полутородесятинымъ количествомъ всякой земли, могло быть мѣсто для нескончаемыхъ споровъ. Кстати замѣтимъ, что это обстоятельство, т. е. что смежныя земли часто столь рѣзко разнятся между собою, всегда будетъ служить помѣхою для крестьянъ въ переходѣ отъ общаго пользованія землею къ частному. Сколько мы знаемъ изъ разговоровъ съ ними, они хорошо теперь понимаютъ весь вредъ общиннаго пользованія, но въ числѣ препятствій выйти изъ этого заколдованнаго круга, прежде всего указываютъ на разнокачественность почвы. Только послѣ генеральнаго межеванія подобныя опредѣленія удобной земли стали изглаживаться и замѣняться десятинами. Но сказать, что въ такой-то пустоши столько-то четвертей и столько-то копенъ сѣна, значило сказать гораздо болѣе, нежели обозначить ее опредѣленнымъ числомъ десятинъ. Въ самомъ дѣлѣ, при первомъ опредѣленіи у сельскаго хозяина возникаетъ въ умѣ множество культурныхъ отношеній, тогда какъ

при второмъ представляется ему одна только геометрическая величина. Когда намъ говорятъ, что въ Спасскомъ погостѣ, Новгородскаго уѣзда, насчитывалось въ 1500 г. до 107 обжей и высѣвалось 373 короба ржи, мы тотчасъ, зная условія трехпольнаго хозяйства, какъ оно ведется изстари, и всѣ принадлежности его, можемъ составить себѣ достаточное понятіе о качествѣ и величинѣ культуры, а потому и о валовомъ доходѣ этого погоста, чего мы никакъ не можемъ сдѣлать по нынѣшнимъ окладнымъ листамъ, по которымъ только значитъ, что по селеніямъ Спасскаго погоста числится столько-то десятинъ земли перваго разряда и столько-то втораго. Изъ писцовой книги мы удостоверяемся, что въ этомъ погостѣ въ 1500 г. было $107\frac{1}{2}$ обжей, 153 взрослыхъ работника, поэтому около 383-хъ душъ народонаселенія обоого пола (принимая отношеніе $1:2\frac{1}{2}$); значитъ было не многимъ менѣе и число дворовъ, чѣмъ 107; имѣлось по крайней мѣрѣ 107 лошадей и ужь во всякомъ случаѣ не менѣе 200 головъ рогатаго скота; значитъ высѣвалось болѣе полуторы тысячи четвериковъ ржи, полагая на обжу среднимъ числомъ до 4-хъ коробовъ, а въ каждомъ коробѣ 4 четверика нашей мѣры. Яровой посѣвъ намъ также болѣе или менѣе становится извѣстнымъ, по постоянному отношенію его къ озимому посѣву какъ 2:1. Имѣя же сверхъ того понятіе объ образѣ жизни нашего поселянина въ XIV и XV

столѣтіяхъ, его постройкахъ, домашней утвари, одеждѣ, пищѣ и проч., наконецъ зная изъ писцовой книги, что съ крестьянина бралась подать, составлявшая большею частію или пятину или много четверть изъ получаемаго имъ зерна, мы можемъ въ одной общей функціи изъ всѣхъ этихъ величинъ, болѣе или менѣе опредѣленныхъ, постоянныхъ, возстановить наконецъ въ себѣ представленія и о бюджетѣ поселянина и о платежныхъ его средствахъ. Взамѣнъ всего этого что намъ выскажутъ наши нынѣшніе окладные листы при всемъ напряженіи нашихъ мозговъ? Во всякомъ случаѣ не многое....

Но только во всемъ вышеизложенномъ и можетъ заключаться настоящій, накопленный народомъ трудъ, т. е. капиталъ, который только этими путями и возможно опредѣлить *). Мы же, въ настоящее вре-

*) Новѣйшіе политико-экономы хотя и размножили элементы, изъ которыхъ слагается народное богатство, признавая за таковыя, какъ и слѣдовало, трудъ, капиталъ и природу; однакожь Адамъ Смитъ — отецъ этой науки, признававшій собственно за богатство накопленный трудъ, едва ли не ближе къ намъ сѣверянамъ по своему опредѣленію, такъ какъ природа скорѣе намъ мачиха, чѣмъ мать; а капитала, въ тѣсномъ значеніи, у насъ нѣтъ. Но реализовать трудъ, чтобъ угомонить мачиху, на это-то и не достаетъ нашего умѣнья, а труда намъ нужно больше всего. Безъ того не добыть намъ капитала, да и кто намъ повѣритъ въ долгъ, когда мы сами оцѣниваемъ чуть ли не $\frac{9}{10}$ нашихъ земель, по нормальному доходу, въ 1 руб. 50 к. десятину? Не есть ли это самая колкая эниграмма и на нашъ трудъ и на трудъ нашихъ предковъ? Отчего же въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ сегодня былъ пустырь, тамъ завтра городъ, какъ не отъ умѣнья янковъ осмысливать свой трудъ? За то трудъ даетъ тамъ деньги.

мя, опредѣляемъ народное богатство голымъ счетомъ десятинь, съ отсутствіемъ всякаго знанія о томъ, сколько на нихъ положено и полагалось до-сихъ-поръ труда, и считаемъ даже тѣ десятины, на которыхъ часто не только не видимъ накопленнаго труда человѣкомъ, а скорѣе осязаемъ слѣды безобразія въ отношеніи того элемента богатства, который накопила для насъ сама природа, напр. въ нашихъ на половину вырубленныхъ лѣсахъ, которые мы губимъ и продолжаемъ губить безпощадно. И вотъ, въ минуту тщеславія, котораго не занимать стать славянскоѣ расѣ, мы, желая уподобиться нѣмецкимъ князькамъ, считаемъ съ подобающимъ достоинствомъ десятки тысячъ владѣемой нами земли, а «въ минуту жизни трудную,» когда принуждаютъ насъ развязывать наши кошельки, являемся чуть не плаксами *).

Итакъ, далеко ли мы ушли, почтенный читатель, въ нашемъ земскомъ прогрессѣ?

Для примѣненія писцовыхъ книгъ къ разнымъ выводамъ нашей сельско-хозяйственной статистики, мы больше всего затрудняемся въ опредѣленіи точнаго значенія разныхъ употребляемыхъ въ старину мѣръ, какъ-то: мѣръ поземельныхъ, вѣса, сыпучихъ тѣлъ и монетъ. Этотъ предметъ у насъ весьма мало

*) Хорошо еще что между нами мало поклонниковъ газеты «Вѣсть,» которая теперь стала назойливѣе, сама бросается во всякія объятія.

разработаны, и въ разныхъ сочиненіяхъ о старинѣ встрѣчаются о немъ однѣ лишь догадки, а чаще всего противорѣчивыя показанія. Повидимому, всеобъемлющая реформа Петра Великаго не только не позаботилась о сохраненіи памятниковъ старины, выработанныхъ прежнею жизнію, но еще какъ бы намѣренно уничтожала ихъ, чтобъ и не могло быть къ нимъ возврата *). Между тѣмъ въ писцовыхъ книгахъ мы безпрестанно встрѣчаемъ слово «*коробъ*»,

*) Въ пресловутомъ сочиненіи Леонтя Магницкаго, появившемся на рубежѣ двухъ эпохъ, «*Ариѳметика сиречь наука числительная, съ разныхъ діалектовъ на славянскій языкъ переведенная,*» толкуется, даже съ излишествомъ, о разныхъ мѣрахъ финикійскихъ, египетскихъ, греческихъ, римскихъ и проч., но нѣтъ ни слова о нашихъ древнихъ поземельныхъ и другихъ мѣрахъ, а также о монетахъ. Это сочиненіе Магницкаго, безапелляціоннаго поклонника Петра 1-го, весьма примѣчательно, какъ одно изъ выраженій рѣзкаго и полного разрыва всеобъемлющей реформы съ до-Петровскою русью. Толкуя о монетахъ финикійскихъ, Магницкій рѣшительно ничего не хочетъ знать о томъ, какія наприм. были деньги у его предшественниковъ, какъ они мѣряли землю, а также и сыпучія вещества и проч., словно Русь началась для него со вчерашняго дня. Между тѣмъ это сочиненіе имѣло огромное вліяніе на весь грамотный людъ того времени, даже далеко послѣ смерти Петра 1-го. Неудивительно послѣ этого, что и извѣстные историческіе наши писатели (Карамзинъ, Полевой, Устряловъ, Соловьевъ; Карамзинъ еще больше другихъ углублялся въ этотъ предметъ), и собиратели научныхъ свѣдѣній, скорѣе обходятъ этотъ важный предметъ, чѣмъ касаются до него. Въ сочиненіи Петрушевскаго, изданномъ въ 1847 г., подъ названіемъ «*Метрологія,*» въ этой заслуживающей полного вниманія и похвалы компиляціи, также нѣтъ и помину о старинныхъ мѣрахъ. И въ настоящее время Е. И. Ламанскій въ своей монографіи: «*Историческій очеркъ денежнаго обращенія въ Россіи съ 1650—1817 годъ,* какъ самое заглавіе пока-

мѣру сынучихъ тѣлъ, величину которой мы должны же знать, чтобъ получить достаточно ясное понятіе и о величинѣ посѣвовъ и о величинѣ взимаемыхъ хлѣбомъ сборовъ. Что коробъ, по буквальному значенію этого слова, какъ оно и до-сихъ-поръ употребляется, былъ ящикъ, сдѣланный изъ луба или изъ тонкихъ досокъ, въ которомъ держалось зерно, это не подлежитъ сомнѣнію. Впослѣдствіи кубичная форма этого ящика, для вмѣщенія сынучихъ тѣлъ, подлежащихъ частому передвиженію, перемѣнена была на форму цилиндрическую, въ видѣ боченка или кади съ однимъ дномъ, хотя для другихъ предметовъ кубичная фор-

зывается, не рѣшился проникать далѣе царствованія Алексѣя Михайловича, кратко оговоривъ на первой же страницѣ своего сочиненія о трудности этого рода изслѣдованій. «Относительно монетъ должно замѣтить,» говоритъ Соловьевъ (Истор. Рос. т. IV, стр. 260), «что въ первой половинѣ XIV вѣка счетъ гривнами замѣняется счетомъ рублями, причемъ не трудно усмотрѣть, что старая гривна серебра и новый рубль одно и то же.» При этомъ г. Соловьевъ ссылается на статью Казанскаго: «*Изслѣдованіе о древней русской монетной системѣ,*» въ Записк. Археол. Общ. т. III. Между тѣмъ въ писцовыхъ книгахъ безпрестанно встрѣчаемъ выраженія, подобныя слѣдующему: рубль и шесть гривенъ и три денги,» которыя прямо показываютъ на различіе рубля отъ гривны. Сколько вычисленій мы ни дѣлали надъ данными, которыя содержатся въ писцовыхъ книгахъ, вездѣ приходили къ одному заключенію, именно: что въ концѣ XV столѣтія новгородскій рубль содержалъ въ себѣ около 16 гривенъ, а гривна 14 денегъ.

Этотъ важный предметъ изслѣдованія только теперь начинаетъ нѣсколько выясняться, благодаря трудамъ гг. Костомарова, Прозоровскаго и Аристова. Монографія Аристова: «Промышленность древней Руси,» изд. 1866 г., заслуживаетъ особаго вниманія по попыткѣ

ма ящика и оставалась неизмѣнною. Такими сосу-
дами хлѣбъ и мѣрился при посѣвѣ и уборкѣ съ
гумна, и отпускался на продажу, равно по немъ же
и взимался сборъ въ княжескую казну. Чтобы по-
всемѣстно такая мѣра могла быть одинаковою по
объему, этого допустить нельзя: каждый хозяинъ
дѣлалъ ее самъ для себя, какъ дѣлаетъ теперь лу-
кошко, сѣвницу и проч., и если старался ее уподо-
бить той, которую видѣлъ, положимъ, у другаго хо-
заина, то только на глазъ. Такимъ образомъ кре-
стьяне дѣлаютъ и до-сихъ-поръ свои четверики, кото-
рые почти никогда не бываютъ совершенно равны-

его опредѣлить цѣну денегъ и величину хлѣбныхъ мѣръ, употребля-
емыхъ въ разныхъ столѣтїяхъ нашей древней и средней исторїи.
Онъ сличаетъ между собою различныя мѣста изъ нашихъ лѣтописей
(Новгородскихъ, Псковскихъ, Тверскихъ и проч.), гдѣ упоминается
о цѣнахъ на хлѣбъ, особенно въ голодные годы, и отсюда выводитъ
отношенїя между самыми мѣрами. Отсюда же онъ приводитъ отно-
шенїя цѣнностей денегъ XII, XIII, XIV и XV столѣтїй къ насто-
ящей ихъ цѣнности. Однакожь сколь ни похвальна такая попытка
возсоздать нашу древнюю метрологию, всетаки она до-сихъ-поръ
остается попыткой, не болѣе. И едва ли скоро мы придемъ къ точ-
нымъ и неоспоримымъ положенїямъ, которыя бы имѣли научный
характеръ, за недостаткомъ и односторонности историческихъ сви-
дѣтельствъ, оставленныхъ отъ монаховъ, которые обыкновенно чрезъ
черный флеръ смотрѣли на мїръ Божїй, записывая болѣе печали,
чѣмъ радости. До какой степени вообще наша Археологїя еще дѣт-
ствуетъ, видно изъ того, что въ настоящее время возбуждаются пред-
ложенїя о томъ, чтобъ ее связать съ исторїею, какъ будто бы безъ
этой связи она многого стоитъ! вмѣсто того, чтобы пресерьезно
доказывать, что скнѣмъ имѣли монету, лучше бы разобрали хламъ
нашей средней исторїи.

ми клейменому четверику. Что слово «коробъ» замѣнялось въ другихъ мѣстностяхъ словомъ «кадь», на это есть много доказательствъ. Какъ короби, такъ и кади были «большиє» и «малыє», по способу ихъ употребленія, это также достаточно выяснилось. Карамзинъ принимаетъ коробъ за четверть нашей мѣры *). Между тѣмъ г. Аристовъ (стр. 287-я) кади, бочкѣ, коробу и окову, что считаетъ за одно, придаетъ огромные размѣры. Онъ считаетъ эти мѣры равными 4-мъ нашимъ четвертямъ или 8 осьминамъ, или наконецъ, 32 нашимъ четверикамъ. Мы позволяемъ себѣ усомниться въ такихъ размѣрахъ, если подъ ними не разумѣлись однѣ только номинальныя мѣры, какъ напр. ластъ, тона. И сдѣлать такую кадь или бочку изъ дерева, и удобно переносить ее съ одного мѣста на другое было бы весьма трудно; — тогда какъ удобность переноски хлѣбнаго товара по преимуществу должна была быть въ виду **).

Г. Костомаровъ считаетъ въ коробѣ три зобня; но тутъ конечно онъ не придаетъ зобню такихъ

*) Ист. Госуд. Россійск. VI, прим. 332.

**) Г. Костомаровъ въ своей исторіи Новгорода говоритъ: «болѣе опредѣленная мѣра была окова, дѣлившаяся на 4 четверти, а каждая четверть была болѣе московской и вѣсила до 8¹/₂ пуд.» — Однакожь, не смѣшивая короба съ оковою, прибавляетъ: «Впрочемъ, и на сѣверѣ были разныя четверти, такъ напр., во Псковѣ была своя, болѣе новгородской; на Двинѣ была иная, еще болѣе псковской.» Истор. Моногр. т. VIII, стр. 238, 1868 г.

размѣровъ, какъ г. Аристовъ, который, уравнивая зобенъ осьминѣ, считаетъ его въ четыре нынѣшнихъ четверика; иначе его коробъ былъ бы въ полтора раза болѣе карамзинскаго. Зобенъ, по другимъ зобня, ж. р., понимается теперь по показанію Областнаго Словаря Великорусскаго языка: 1) какъ коробка, сплетенная изъ бересты, въ Архангельской губерніи, или 2) какъ кузовъ, сплетенный изъ коры липоваго дерева, въ Вятской губерніи, или 3) какъ большая плетенка, въ Костромской губерніи. Мы допускаемъ, что такая мѣра, столь сподручная въ крестьянскомъ быту, могла имѣть сначала довольно значительные размѣры и даже быть гораздо болѣе нынѣшняго четверика; но такая мѣра, удовлетворяя въ продажѣ поверхностному только расчету, такъ какъ за точностію тогда не гнались, должна была отъ времени до времени непремѣнно уменьшаться въ объемѣ, отчасти отъ неимѣнія нормальной единицы для повѣрки, отчасти отъ злоупотребленія торговцевъ. Такимъ образомъ зобенъ, или зобня, впоследствии былъ замѣненъ четверикомъ, который, съ своей стороны, какъ извѣстно, до конца XVIII столѣтія подвергался измѣненіямъ. Когда въ царствованіе императора Павла стали особенно строго взыскивать за неупотребленіе клейменныхъ четвериковъ, тогда крестьяне хотя и продолжали по привычкѣ употреблять свои большіе четверики, но стали уже приравнивать ихъ къ клейменнымъ мѣрамъ.

Свѣривъ свои четверики съ клейменнымъ, они нашли, что одни изъ нихъ были вдвое, а другіе въ полтора раза болѣе послѣдняго. Отсюда названія *двойникъ* и *полоторникъ*, которые долго употреблялись. Клейменный же четверикъ, какъ бы въ насмѣшку, въ знакъ его малаго объема, долгое время, даже въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, нашими новгородцами назывался *малышкою*.

Итакъ мы не можемъ, подобно Карамзину, уравнивать коробъ нынѣшней четверти, по крайней мѣрѣ къ концу XV столѣтія, когда послѣ московскаго владычества всѣ вообще мѣры, а равно и монеты, въ количественномъ отношеніи стали уменьшаться. Если коробъ въ концѣ XV столѣтія приравнять осьминѣ или нынѣшнимъ 4-мъ четверикамъ, то это будетъ наибольшее. Весьма правдоподобно, что коробъ въ послѣдствіи былъ замѣненъ мѣшкомъ, которымъ и досихъ-поръ крестьяне измѣряютъ различные хлѣба. И мѣшокъ, въ понятіяхъ крестьянъ, не есть мѣра точная и постоянная. При торговлѣ мѣшокъ обыкновенно считаютъ въ 4 мѣры, а въ домашней жизни, при посѣвахъ, при переноскѣ хлѣба изъ гумна въ амбаръ, въ мѣшокъ сыплютъ, для уменьшенія тяжести при переноскѣ на плечахъ, большею частію по три мѣры. Крестьяне чаще говорятъ: «высѣяно столько-то мѣшковъ», нежели «высѣяно столько-то четвериковъ». Такъ какъ изъ писцовыхъ книгъ видно, что среднимъ числомъ на каждую обжу приходилось

озимаго посѣва отъ 3-хъ до 4, рѣдко 5 коробовъ, то значить, что на каждую обжу засѣвалось по большей мѣрѣ отъ 12 до 16-ти нынѣшнихъ четвериковъ. Это и есть наибольшее количество посѣва, когда достаеъ земли, даже для нынѣшняго селянина, если для обработки своихъ полосъ онъ имѣеть только одну лошадь. Болѣе посѣять ему трудно при скоротечности лѣта, а вслѣдствіе того при необходимости торопиться смѣною одного рода работъ другими. Не станеть и навозу. Такъ могло быть и въ древности. Но и такой посѣвъ на обжу можно считать достаточнымъ, если принять во вниманіе тогдашнюю плодородность почвы, то освобождаемой изъ подъ лѣса посредствомъ пѣла, то вновь запускаемой подъ лядины. Даже независимо отъ этого попадаютса мѣстности, на примѣръ, въ районѣ Тесовской волости, въ которой считается 4500 душъ мужескаго пола, гдѣ земля до того плодородна, что даже понынѣ мало-мальски исправный хозяинъ, имѣющій нѣсколько коровъ, несмотря на полную экстензивность своего хозяйства, собираеть отъ 8 до 10 и болѣе зернъ *). Если принять урожай, среднимъ

*) Здѣсь провозглашенная Либихомъ *хищнической* система хозяйства рѣшительно становится неуязвляемою. Вѣдь описываемыя нами мѣста Богъ вѣсть съ какого времени были заняты *Вотьяками* (отсюда Вотская пятина), и трудно съ точностію опредѣлить съ какого именно времени они были завоеваны новгородцами и водворено здѣсь земледѣліе, а между тѣмъ, при самомъ рутинномъ хозяйствѣ, даже

числомъ, только въ 6 зернѣ, посѣвъ на обжу въ 14-ть четвериковъ, хозяйское тягло въ $2\frac{1}{2}$ души, то въ Спаскомъ погостѣ, въ 1500 году, по приведеннымъ нами выше числамъ, окажется, что на 153 хозяина, или 383 человека обоего пола, взрослыхъ и дѣтей, получалось отъ ежегоднаго урожая, за вычетомъ сѣмянъ, 7525 четвериковъ ржи, что оказывается болѣе чѣмъ достаточнымъ для годоваго продовольствія; а потому сходящая съ этого числа подать зерномъ въ величинѣ одной четверти или даже пятины не могла быть отяготительной, особенно при урожаяхъ разнаго другаго хлѣба, служащаго подспорьемъ ржи. Мы видимъ изъ писцовой книги, что въ XV столѣтїи достаточно, кромѣ ржи, сѣялось и пшеницы, которой вовсе теперь не сѣютъ.

Не будучи также въ состоянїи точно опредѣлить достоинство «новгородской деньги» въ концѣ

при полной небрежности со стороны крестьянъ, напр. въ дер. Яму, Тесовской волости, гдѣ у многихъ имѣется кромѣ лошади только по одной или по двѣ коровы, хлѣбъ родится по большей части прекрасный. Горохъ на паровомъ полѣ въ благопрїятную погоду родится самъ 14—20 и тутъ тотчасъ, по снятїи гороха, сѣется озимая рожь. Да, знаменитому Либиху пришлось бы здѣсь призадуматься съ своею теорїею питанїя злаковъ. Нѣсколько столѣтїй употребленїя хищнической системы хозяйства и—нѣтъ перемѣны къ худшему! Нечего сказать, не страшна та угроза, которая пугаетъ бѣдою чрезъ нѣсколько столѣтїй!.... Посѣвы же на гаряхъ даютъ иногда баснословные урожаи.

пятнадцатаго столѣтія, когда составлялась имѣющаяся въ нашихъ рукахъ писцовая книга, по тому же недостатку въ точныхъ историческихъ свѣдѣніяхъ, мы конечно затрудняемся и въ опредѣленіи относительной цѣнности вещей тогдашняго времени, а тѣмъ болѣе въ примѣненіи къ нашему времени, чтобы придти къ разрѣшенію вопроса о соразмѣрности сборовъ съ средствами плательщиковъ. Что тогдашній рубль сравнительно съ нынѣшнимъ имѣлъ гораздо большее значеніе, не смотря на всю возможную дешевизну хлѣба, можно заключить изъ того, что съ трехъ деревень, въ которыхъ было 10 крестьянскихъ дворовъ, взималось всего оброку рубль, шесть гривенъ и три деньги. Съ другой стороны мы видимъ, что коробъ ржи стоилъ десять денегъ, коробъ ячменя семь денегъ и коробъ пшеницы гривну.

Вотъ что говоритъ г. Костомаровъ относительно новгородскихъ монетъ: *) «Въ Новгородѣ невидны ни ногать, ни рѣзаній—единицъ употребительныхъ въ другихъ земляхъ. Наибольшая монетная единица была гривна — слово, первоначально означающее опредѣленное металлическое шейное украшеніе, кольцо, потомъ вѣсъ и, наконецъ, монету по отношенію къ вѣсу. Гривной, въ монетномъ смыслѣ, назывался отрубокъ металла въ гривну вѣсомъ. Но гривна

*) Истор. Моногр. том. VII, стр. 241 и далѣе.

была двойкая: большая и малая, фунтъ и полфунта; потому и отрубки были двойкаго рода — гривна въ фунтъ (образчикъ найденъ въ Новгородѣ, въ Прусской улицѣ) и гривна въ полфунта. Но фунтъ былъ двойкій: византійскій въ 72 золотника и западный въ 96 золотниковъ; поэтому встрѣчаются отрубки соразмѣрные цѣльному и половинному вѣсу или не много болѣе и менѣе цѣлаго фунта и половины его по византійскому и по западному приему: одни около 73—96 золотниковъ, другіе около 36—48 золотниковъ. Эти половинные куски разрубались еще на половины и потому находили куски въ 22 и 21 золотникъ, и болѣе. Эти гривны, выражая вѣсъ, и повѣрялись вѣсомъ; для этого существовали при церкви Св. Іоанна на Опокахъ городскіе денежныя вѣсы: *гривенка рублевая*, для взвѣса отрубковъ, называемыхъ, по причинѣ ихъ разсѣченія на части, «рублями». Какъ отрубки были разные, то за отрубками большей величины удержалось названіе рублей, а половины ихъ называли полтинами. Но такъ какъ для удобства обращенія нужны были мелкіе кусочки, то эти послѣдніе, находясь въ обращеніи, подводились, по своей цѣнности, подъ цѣнность гривень и оттого гривна значила не только вѣсъ, но и количество мелкихъ монетъ, удерживая однако и прежнее свое значеніе вѣса. Это образовалось тѣмъ удобнѣе, что и въ отношеніи вѣса слово гривна употреблялось въ раз-

личныхъ значеніяхъ. Такъ составилось понятіе о гривнѣ кунъ, то есть цѣнности извѣстнаго количества мелкихъ монетныхъ единицъ. Сколько именно кунъ заключала въ себѣ гривна, трудно прослѣдить; да и въ этомъ состояніи она была въ разное время неравномѣрна и въ разныхъ русскихъ земляхъ. Такъ необходимо значеніе гривны постепенно переходило отъ значенія вѣса къ значенію количества. Изъ многихъ попытокъ уловить это ближе къ истинѣ предположеніе Карамзина, полагавшаго, что въ XII вѣкѣ въ гривнѣ было около двадцати пяти кунъ. Дѣйствительно, въ «вопросахъ Кирика» памятникъ XII вѣка, опредѣлено служить панихиды на гривны пятью, а на шесть кунъ единою *). По этому расчету въ гривнѣ должно выходить 30 кунъ; но Карамзинъ справедливо замѣтилъ, что еслибъ въ гривнѣ было тридцать кунъ, тогда бы не встрѣчалось выраженіе «шестьдесятъ кунъ,» а писали бы вмѣсто того — двѣ гривны. Онъ полагаетъ, что въ расчетѣ за панихиды сдѣлана уступка для большаго количества, и такимъ образомъ выйдетъ, что гривна кунъ содержала около 25-ти приблизительно. Должно быть количество кунъ въ гривнѣ вертѣлось около этого числа и хотя видоизмѣнялось въ разныя времена, но не далеко удалялось отъ этой нормы. Такъ въ XV вѣкѣ куны были замѣнены шведскими ортугами, а въ

*) Пам. XII вѣка, 113.

Швеціи марка (равнявшаяся нашей гривнѣ по вѣсу) ортуговъ заключала ихъ въ себѣ двадцать четыре экземпляра. Такъ, въ послѣдствіи, денегъ, замѣнившихъ кунъ, было въ гривнѣ 20, но въ Псковѣ, въ 1407 году, въ рублѣ, замѣнившемъ гривну, было 30 кунъ *). Но такъ какъ количественное значеніе слово «гривна» не изгнало совершенно вѣсоваго значенія и вѣсовой счетъ на гривны серебра оставался при большихъ отрубкахъ, то при сравненіи гривны кунъ съ гривною серебра, т. е. количественной гривны съ вѣсовой, происходило разнорѣчіе: надобно было нѣсколько гривенъ кунъ чтобъ составить одну гривну серебра. Есть извѣстіе, что въ Новгородѣ семь гривенъ кунъ равнялись одной гривнѣ серебра. Если положить гривну въ 25 кунъ, то значить въ гривнѣ серебра было приблизительно 175 **), слѣдовательно въ гривнѣ кунъ отъ $5\frac{1}{7}$ до $6\frac{3}{4}$ золотниковъ, а въ каждой кунѣ около 13 граммовъ; — такія монеты дѣйствительно и попадаются. Мелкой монеты отдаленной древности не найдено, но есть мелкія монеты Новгородскія уже XIV и XV в. Онѣ величиною въ гривенникъ».

Изъ втораго приложенія къ сочиненію Аристова «Промышленность древней Руси», озаглавленнаго

*) Карамз. Прим., -527.

***) По нашему исчисленію, въ концѣ XV столѣтія рубль равнялся 225 деньгамъ, такъ какъ о кунахъ уже не упоминается.

такъ: «Матеріалы для исторіи цѣнъ древней Руси», также не можемъ получить точнаго и опредѣленнаго понятія о рублѣ, полтинѣ, гривнѣ и деньгѣ — монетахъ, употреблявшихся въ Новгородской области въ концѣ XV столѣтія и по которымъ рассчитывались оброки по писцовой книгѣ, хотя г. Аристовъ и говоритъ, что въ выпискахъ изъ лѣтописей о древнихъ монетахъ онъ представляетъ также цѣны, бывшія на Руси въ XV вѣкѣ. По его свидѣтельству «литовскій рубль содержалъ 10 гривенъ или 100 грошей, а гривна = 60 коп. сер.; онъ равнялся почти новгородскому рублю XV вѣка, который стоилъ 8 руб. 11 коп.» (разумѣется на наши деньги) *). Но если литовскій рубль содержалъ въ себѣ 10 гривенъ, а гривна равнялась на наши деньги 60 коп. сереб., то значитъ литовскій рубль равнялся нынѣшнимъ 6-ти рублямъ, между тѣмъ новгородскій, какъ сказано, стоилъ 8 р. 11 к., гдѣ же тутъ равенство? Далѣе онъ приводитъ, что марка кунъ и гривна кунъ, почти одинаковыя, составляли въ XII—XV вѣкахъ на наши деньги 2 р. 25 коп., а куна равнялась $7\frac{1}{2}$ коп. сер. Отсюда видно, что гривна кунъ (или денегъ, потому что деньга замѣнила куну) содержала въ себѣ 30 кунъ. Онъ же замѣчаетъ, что кунная гривна постепенно

*) Промышл. древней Руси, прим. къ стр. 282.

понижалась, что впрочемъ не подлежитъ сомнѣнію, потому что всѣ вообще мѣры и монеты во времени понижались, первыя въ объемѣ, вторыя въ цѣнности. Послѣднее продолжается и въ наши дни. Но въ Псковѣ рубль, какъ показано на стр. 288-й, составлялъ около 9-ти рублей на наши деньги. Московскій же или рязанскій рубль поставленъ въ 3 рубля сер. (стр. 289-я), а въ примѣчаніи оговорено, что онъ могъ быть въ 5 рублей. Деньга определена въ 3 к. сер. Тверская деньга принята въ 4 коп. сер., но «могла быть и больше 5 коп.», сказано въ примѣчаніи (стр. 290-я).

Нѣтъ сомнѣнія, что въ Новгородской области въ концѣ XV столѣтія должна была быть страшная путаница въ денежномъ курсѣ вслѣдствіе незваныхъ и непрошенныхъ московскихъ гостей, водворившихся здѣсь и принесшихъ съ собою, вмѣстѣ съ новыми обычаями, и свои монеты. Съ тѣхъ-поръ вводится въ употребленіе московская деньга; но въ какомъ отношеніи она была къ новгородской, определить трудно. Кромѣ того, какъ извѣстно, въ Новгородѣ употреблялись шведскія и другія монеты. Г. Костомаровъ говоритъ, какъ вышеупомянуто, что мелкая монета XV вѣка была величиною въ гривеникъ, но намъ случалось видѣть кусочки сплюснутаго серебра, неправильной круглой формы, съ полустертыми славянскими надписями, менѣе гривеника, скорѣе величиною въ прежній пяточекъ, да

и то не высокой пробы. Но можетъ быть такая монета была въ употребленіи уже позже.

Во всякомъ случаѣ и по приведеннымъ нами свидѣтельствамъ почтенныхъ изслѣдователей нашей старины, и по собственнымъ нашимъ соображеніямъ, мы приходимъ къ заключенію, что мелкая монета: деньга, употреблявшаяся въ концѣ XV столѣтія при взиманіи налоговъ въ Новгородской области, по цѣнности своей съ нашими деньгами, колебалась между 3 и 7 копѣйк. Придержимся же средняго вывода, т. е. будемъ считать ее въ 5 нынѣшнихъ коп. сер.

Относительно стоимости разнаго рода хлѣба въ книгѣ г. Аристова есть также много выводовъ, достойныхъ замѣчанія и подходящихъ къ нашему предмету. «Цѣна на рожь до XVI вѣка въ древней Руси, говоритъ онъ, поднималась отъ 35 коп. сер. до 22 руб. 50 коп. за четверть на наши деньги, а средняя цѣна ржи, судя по означеннымъ цѣнамъ за 34 года, была 4 руб. сер. за четверть! Но здѣсь нужно замѣтить, что всѣ почти цѣны на рожь относятся къ сѣверо-восточной Руси *). Но г. Аристовъ не обратилъ вниманія, во-первыхъ, на то, что приведенныя имъ выписки изъ лѣтописей объ урожаяхъ 34 годовъ обнимаютъ слишкомъ большой періодъ времени, именно около четырехсотъ лѣтъ (отъ 1127 г. до 1500 г.); во-вторыхъ, касаются не

*) Пром. древ. Руси, стр. 291.

одного только Новгорода, но также Пскова, Новгородъ-Нижняго, Кашина, Твери и даже юго-западной Россіи; *); въ-третьихъ, большая часть годовъ выбрана такихъ, когда былъ голодъ отъ естественныхъ причинъ неурожая или отъ притѣсненій войны; наконецъ, въ-четвертыхъ, дешевый хлѣбъ приведенъ по преимуществу только изъ одной мѣстности, именно изъ Пскова. Но изъ такихъ шаткихъ данныхъ выводить среднюю цифру стоимости, по нашему мнѣнію, крайне торопливо, изъ опасенія ввести въ заблужденіе и себя и другихъ. Уже одинъ выводъ предѣльныхъ цифръ 35 к. и 22 р. 50 к. долженъ бы удержать автора отъ заключенія, что средняя цифра была на рожь 4 рубля! Развѣ въ общую сложность можно вводить такіе исключительные годы,

*) Не только тогда, но и теперь, когда сообщенія поисправлены, между мѣстами, лежащими даже не въ дальнемъ между собою разстояніи, разность въ цѣнахъ на хлѣбъ бываетъ неимовѣрная. Еще недавно разность въ цѣнахъ на хлѣбъ между Порховымъ и Островомъ, хлѣбнымъ рынкомъ, отстоящими одинъ отъ другаго не болѣе 50 верстъ, колебалась отъ 1¹/₂ до 2 р. на куль. Вотъ что значатъ сообщенія! Въ 1868 г. въ Тесовской волости хлѣбъ доходилъ до 12 руб. за куль, тогда какъ въ Новгородѣ земская мука продавалась менѣе 10-ти руб. Во-первыхъ, непроѣзжимыя дороги; во-вторыхъ, большая заботливость объ этомъ краѣ, куда не доставили ни куля земскаго хлѣба. Нынѣ доставили въ этотъ край, съ 10-ти тысячнымъ населеніемъ народа обоого пола, только 300 кулей. За то тамошнее народонаселеніе благодаритъ не земство, а одного умѣреннаго торговца, который, доставляя муку изъ Петербурга, умѣлъ установить цѣну въ 10-ть руб. за куль, тогда какъ безъ него она поднялась бы до 12 руб.

когда народъ умиралъ отъ голоду? Первое условіе для вывода средней стоимости состоитъ въ томъ, чтобы слагаемыя были однокачественныя; второе, чтобы этихъ слагаемыхъ было много. Итакъ, мы имѣемъ полное право признать эту послѣднюю цифру слишкомъ преувеличенной. По нашему мнѣнію, гораздо сообразнѣе будетъ съ истиной, принявъ «деньгу» въ 5 к. сер., обратиться для отысканія среднихъ цѣнъ къ окладной книгѣ Вотской пятины. Мы знаемъ уже, что при взиманіи повинностей вмѣсто хлѣба деньгами, въ 1500 году коробъ ржи оцѣнивался въ 10 денегъ. Такая оцѣнка, установленная въ окладныхъ книгахъ, конечно уже выводилась не изъ одного года, а изъ многихъ смежныхъ лѣтъ. Такъ какъ коробъ мы приняли въ объемѣ отъ 3-хъ до 4-хъ четвериковъ нынѣшней мѣры, то значить, что четверть хлѣба цѣнилась до 1 р. сер. Если же, согласно съ Карамзинымъ, принимать коробъ равнымъ нынѣшней четверти или кулю, то тогда средняя цѣна будетъ 50 коп. за четверть на нынѣшнія деньги. И это все, что можно допустить, и что всего сообразнѣе, когда припомнимъ тогдашнюю всеобщую недостаточность въ деньгахъ и относительную цѣнность разныхъ другихъ предметовъ потребленія.

Касательно цѣнъ на овесъ выводы г. Аристова удовлетворительнѣе: въ неурожайные годы овесъ могъ дѣйствительно стоить въ половину, а въ уро-

жайные въ $\frac{1}{4}$ противъ ржи. По писцовой книгѣ Вотской пятины значитъ, что за коробъ ржи взи-малось 10 денегъ, овса — 5 денегъ, ячменя — 7 и пше-ницы—гривна, поэтому тутъ были слѣдующія отно-шенія цѣнъ: 10 : 5 : 7 : 14, считая гривну въ 14 денегъ.

Здѣсь кстати обратить вниманіе на весьма важ-ное обстоятельство, касающееся до взиманія пода-тей. Изъ писцовой книги Вотской пятины легко усмотрѣть, что сперва сборъ натурою, а потомъ за-мѣнившій его сборъ деньгами не полагался равно-мѣрно по разнымъ деревнямъ, сообразно числу обжей, а не смотря на одинакое число послѣднихъ, иногда въ одной деревнѣ составлялъ третью часть отъ за-сѣяннаго хлѣба, въ другой четвертую, а въ иной даже только пятую часть. Чтобы это значило? Намъ думается, что кромѣ количества обрабатываемой подъ хлѣбъ земли обращалось постоянное вниманіе и на ея качество, а чрезъ это достигалась еще большая уравнительность. На эту мысль наводитъ насъ обы-кновеніе, существовавшее въ позднѣйшее время въ нѣкоторыхъ волостяхъ, уравнивать повинности чрезъ особыхъ выборныхъ присяжныхъ оцѣнщиковъ, со-образно достоинству почвы. Обязанность такихъ лю-дей состояла именно въ опредѣленіи качества земли относительно урожаявъ, чтобы потомъ на однѣ де-ревни набавлять оброку (наваливать), а съ другихъ скидывать. Объ этомъ хотя и нѣтъ письменныхъ

свидѣтельствъ, однакожь остались еще очень живыя воспоминанія въ народной памяти. Въ Тесовской, на примѣръ, волости, удѣльнаго вѣдомства, существовалъ издавна такой обычай соразмѣрять оброки съ качествомъ земли, который прекратился только въ тридцатыхъ годахъ. Для этого выбирались особые присяжные добросовѣстные, которые еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія имѣли названіе «*третьи*» или «*третьяки*», т. е. третейскіе судьи.

Сколько дѣльнаго, сколько разумнаго изгладилось и забылось безъ замѣны болѣе дѣльнымъ, болѣе разумнымъ! Не оттого-ли что мы привыкли все стричь подъ гребенку, все устанавливать въ ранжиръ, и думаемъ, что мы соблюдаемъ величайшую справедливость!

Теперь по возстановленіи нормальныхъ чиселъ, если не съ совершенною точностію, то по достаточному приближенію, мы можемъ, руководствуясь писцовою книгою Вотской пятины, возстановить довольно полно сельско-хозяйственное описаніе Спасскаго погоста за 1500 годъ, т. е. за время, истекшее около четырехста лѣтъ тому назадъ.

Въ Спасскомъ погостѣ было въ то время 18 селеній, тогда какъ теперь только пять, хотя онъ пространствомъ превосходилъ нынѣшній и не слишкомъ много. Въ немъ считалось 98 отдѣльныхъ дворовъ или хозяйствъ, а работниковъ вмѣстѣ съ хозяевами было 153. Если число работниковъ къ

ичслу всего населенія принять въ отношеніи $1 : 2\frac{1}{2}$, то все народонаселеніе Спасскаго погоста какъ мужскаго, такъ и женскаго пола могло составлять 383 души. Если къ этому числу прибавить души помѣщиковъ, ихъ рабовъ (и тогда были рабы), слугъ владычныхъ и монастырскихъ, которые всѣ не входили въ обжу, да кромѣ того исключить тѣ селенія, которыя отошли отъ погоста, то окажется, что нынѣшнее народонаселеніе почти тождественно съ прежнимъ! И это въ промежутокъ почти 400 лѣтъ!? Къ тому же нужно прибавить, что съ начала нынѣшняго столѣтія, особенно съ 2-й его четверти, народонаселеніе стало значительно возрастать. Можно же себѣ представить какъ оно захирѣло въ періодъ времени отъ XVI до XIX столѣтія!

Ржи высѣвалось ежегодно 373 короба, что по принятымъ нами основаніямъ, считая коробъ въ 4 четверика нынѣшней мѣры, составляло 1492 четверика или $186\frac{1}{2}$ кулей. Предполагая средній посѣвъ на десятину въ 10 четвериковъ, узнаемъ, что всей пашенной земли было тогда, при трехпольномъ полеводствѣ, которое изстари существовало, при пособіи ледяннаго полеводства, до 448 десятинъ, что составляло, среднимъ числомъ, болѣе 4-хъ десятинъ на домохозяина, болѣе чѣмъ по одной въ каждомъ полѣ. Но пашня представляла въ погостѣ отдѣльные куски, во-первыхъ, по значительному числу маленькихъ деревень; во-вторыхъ, по самому свойству новгородской

почвы, образовавшейся въ геологическій періодъ по девонской системѣ, которая вообще отличается игри-востію и разнообразіемъ; когда были выкинуты во время оно на поверхность земли то глина, то суглинокъ, то супесокъ, то наконецъ чистый сыпучій песокъ, что вмѣстѣ представляетъ съ птичьяго полета то холмики, то извилистыя рѣчки, ручьи и овраги, то озерки, то сплошные хвойные лѣса, то обширныя болота, которыми какъ бы опоясывается Новгородъ и которыя въ свое время, словно римскіе гуси, спасли русскій капитолій отъ нашествія азіятскихъ варваровъ. Такимъ образомъ плодородная земля встрѣчается какъ бы небольшими оазами, что также было причиною расселенія жителей по маленькимъ деревнямъ. Отдѣльныхъ культурныхъ участковъ было въ погостѣ 107, значить по-крайней-мѣрѣ столько же было лошадей и вдвое болѣе рогатаго скота. Сѣна накашивалось 3746 копень, или, когда принимать копну въ 5 пудовъ, 18730 пудовъ. Такъ какъ луговыхъ поемныхъ покосовъ было не много, больше въ Щупоголовѣ, частію въ Селахъ и Моровинѣ, какъ показываетъ мѣстоположеніе, а покосы большею частію были лѣсные, то полагая съ каждой десятины среднимъ числомъ отъ 50 до 75 пудовъ сѣна, узнаемъ что всей земли подъ покосами было слишкомъ 300 десятинъ *).

*) Мы получили эту цифру отъ принятія копны за кучу, предполагая въ послѣдней среднимъ числомъ 5 пуд., но можно также

вые лѣса, которыхъ теперь въ Тесовской волости очень мало, а тогда неимѣвшіе никакой цѣнности. Что касается

допустить съ достаточною вѣроятностію, чему есть и слѣды, что старинная копна вѣсила гораздо болѣе, почти вдвое. По такимъ догадкамъ прежняя копна равнялась нынѣшней волочугѣ, т. е. тому количеству сѣна, которое обыкновенная крестьянская лошадь перевозитъ на одноколой телегѣ. Если допустить это, тогда окажется, что корму было достаточно въ Спасскомъ погостѣ не только для содержанія 107 лошадей, по числу обжей, но и для двойнаго противъ этого числа головъ рогатаго скота. Впрочемъ въ старину ничто особенно не вызывало на поддержку скотоводства при подспорьѣ паловъ: рынковъ для сбыта продуктовъ отъ него не было, а при строгомъ исполненіи постовъ, что и до-сихъ-поръ соблюдается, молока и сыра (т. е. творогу) доставало для семьи и отъ тощихъ коровъ. На прочія производства, зависящія отъ скотоводства, также спросу было мало, особенно на кожи: всѣ ходили въ лаптяхъ, благо лыкъ драть никому не воспрещалось. Кстати замѣтимъ, что лапотная обувь и сѣрый кафтанъ были обыкновеннымъ нарядомъ нашихъ крестьянъ до конца первой четверти нашего столѣтія. Это почти вездѣ такъ было, пока Канкринъ не далъ сильнаго толчка нашей заводско-фабричной промышленности. Старожилы рассказываютъ, что бывало синенькаго (въ синемъ кафтанѣ фабричнаго сукна) и въ сапогахъ встрѣтить было такую рѣдкостію, что еще издали привѣтствовали его «нашимъ почтеніемъ». Но зато какъ все измѣнилось съ тридцатыхъ, сороковыхъ годовъ и какъ все идетъ crescendo! Теперь сѣренькій и въ лаптяхъ ни за что не выйдетъ на улицу въ мѣстный праздникъ. Женщины украшаются такъ называемыми польками, а не душегрѣйками или тѣлогрѣйками, что становится уже анохронизмомъ; ходятъ въ шелковыхъ сарафанахъ и даже въ платьяхъ съ «карналинами», какъ коверкается на мѣстномъ нарѣчьи эта обольстительная часть одежды, совершившая кругосвѣтное путешествіе. Вѣдь это не дурно, можетъ быть замѣтить тутъ, роскошь—рычагъ для дѣятельности. Совершенная правда, противъ роскоши мы и спорить не будемъ, потому что бесполезно: она всемогуща. Но вотъ въ чемъ бѣда: съ одной стороны роскошь все и всѣхъ увлекающая, а съ другой, все тотъ же односторонній, рутинный трудъ и до того крайняя

до посѣва яроваго хлѣба, то его можно положить во всемъ погостѣ, примѣняясь къ крестьянскимъ по-

неумѣлость осмыслить его, что здоровыя, желѣзистыя руки, кромѣ сохи, умѣютъ только справа и слѣва тукать топоромъ.....

Самъ крестьянинъ это уже чувствуетъ, но не знаетъ какъ выйти изъ этого состоянія. Земля отказывается давать ему столько, сколько ему теперь нужно. И вотъ онъ скорѣе въ полголоса, чѣмъ громко, невнятно, по свѣдому начинаетъ, взывать о помощи и руководствѣ къ земской интеллигенціи, смекнувъ наконецъ, что не для чего другаго она и вызвана, какъ для улучшенія сельскаго хозяйства, развитія промысловъ и отысканія новыхъ средствъ къ жизни, а земская интеллигенція задалась между тѣмъ только канцеляризмомъ и сборами денегъ, при помощи репрессивныхъ мѣръ мѣстной полиціи! Всѣ кричатъ о дешевкѣ, благо нѣтъ ничего проще, какъ пѣть съ чужаго голоса, въ ней видятъ корень всего зла, а этого не замѣчаютъ, что помимо дешевки потребностямъ жизни самаго неприхотливаго и умѣреннаго крестьянина далеко не отвѣчаютъ добываемыя отъ земли средства. Не то ли же самое видимъ и между нѣкоторыми помѣщиками, которые по прекращеніи дароваго труда захотѣли продолжать жить старыми порядками и съ прежнею обстановкою? Разумѣется, средствъ не стало и усадьбы начали закрываться. Но имъ, казалось бы, легче было выкарабкаться изъ тенетъ, потому что за ними все-таки было какое ни есть образованіе; а какъ выкарабкаться мужичку, для котораго обычай той узкой среды, въ которой онъ живетъ, сильнѣе закона, у котораго на все и про все одинъ отвѣтъ: «куда *все* (по новгородскому произношенію), туда и мы». Земская задача трудна и сложна, въ томъ слова нѣтъ, потому въ особенности, что отъ вѣковаго застоя, съ одной стороны, а съ другой, отъ неотразимаго натиска времени, которое не ждетъ, а безпощадно донекаетъ, когда его не понимаютъ, накопилась такая громада соціальныхъ вопросовъ, что даже въ западной Европѣ, несмотря на то, что они тамъ сложились и нарастали постепенно, исторически, словно коралловые острова, занимаютъ теперь столько же сильные, сколько и проницательные умы, чтобы отразить, по возможности, скопляющуюся на дальнемъ горизонтѣ грозную тучу, которую, пока мѣсть, замѣчаютъ одни дальнозоркіе..... Если все это правда, то

*

сѣвамъ, въ $2\frac{1}{2}$ раза болѣе относительно овса, и во столько же, сколько ржи относительно ячменя. Изъ окладной книги можно заключить, что ячменя въ XV вѣкѣ сѣяли много, вѣроятно на лядинахъ; нѣсколько менѣе сѣяли пшеницы. И прослѣдя за писцовою книгою, тотчасъ можно замѣтить, что гдѣ преобладалъ посѣвъ ячменя и пшеницы, тамъ и подать собиралась въ большемъ количествѣ этими двумя хлѣбами, нежели овсомъ. Предположивъ, что подъ посѣвы ячменя и пшеницы употреблялось земли вчетверо менѣе, нежели сколько употреблялось подъ овесъ, окажется, что первыхъ двухъ хлѣбовъ сѣяли въ погостѣ до $46\frac{1}{2}$ кулей, а овса до 350 кулей.

Допустивъ средній урожай: ржи самъ 6, ячменя (также и пшеницы) самъ 7, а овса самъ 4, и исключивъ сѣмена, узнаемъ, что въ погостѣ добывалось ежегодно до $932\frac{1}{2}$ кулей ржи, до 279 кулей ячменя и пшеницы и до 1050 кулей овса, за исключеніемъ сѣмянъ, всего на сумму, считая куль ржи въ 1 р., ячменя и пшеницы, въ сложности, также по 1 р. и овса въ 50 к., $1736\frac{1}{2}$ рублей на наши деньги. Въ означенномъ количествѣ разныхъ добываемыхъ хлѣбовъ, какъ для собственнаго

почему же и тѣ слабыя силы, тѣ бѣдныя знанія, которыми мы надѣлены, хотимъ растратить на канцелярство или на непроизводительные проекты?.....

продовольствія, такъ и для продажи, могло заключаться до 17457 пудовъ вѣсу, полагая въ кулѣ ржи 9 пудовъ, ячменя и пшеницы 8 пудовъ и овса 5½ пуд. Но на годовое продовольствіе 383 чело-вѣкъ, обоого пола и разныхъ возрастовъ, можно положить ржи до 6 т. пудовъ, ячменя до 1000 пудовъ и овса до 500 пудовъ, да на сто слишкомъ лошадей овса до 3 т. пудовъ. За тѣмъ оставалось на продажу: ржи 3450 пудовъ, ячменя 1232 пуда и овса 2275 пуд., всего на сумму — на наши деньги — около 750 р. Посмотримъ теперь какой процентъ отъ этой суммы составлялъ сборъ въ казну? Этимъ вопросомъ рѣшится и другой весьма важный во-просъ, именно: объ отношеніи величины сбора къ средствамъ плательщиковъ.

Со всѣхъ селеній Спасскаго погоста, вмѣстѣ съ оброчными статьями, собиралось оброку на великаго князя до 10 тогдашнихъ рублей, считая въ то число и обожный сборъ на ключника, а также мелкіе сборы рожью, пшеницею, ячменемъ, овсомъ, хмѣлемъ, медомъ, пивомъ, баранами и говядиною. Всего этого собиралось немного. Если цѣнность рубля XV столѣтія, согласно выводу г. Аристова, принять въ 8 р. 11 к. нынѣшнихъ, то окажется, что съ Спасскаго погоста всего сходило въ казну ежегоднаго оброку 81 р. 10 к. на наши деньги, что составляло около 11% съ вычисленнаго нами по приближенію валоваго дохода съ разныхъ хлѣ-

бовъ, полученныхъ по среднимъ урожаямъ, за исключеніемъ сѣмянъ и собственного продовольствія плательщиковъ. Если же, по нашему расчету, принять тогдашній рубль въ 225 денегъ, а деньгу въ 5 коп., то тогдашній рубль будетъ равняться 11 р. 25 к. нынѣшнихъ, и подать въ казну составитъ 15⁰/₀. Но здѣсь нужно прибавить, что эта подать собиралась только съ тѣхъ крестьянъ, которые жили на земляхъ, отошедшихъ по уничтоженіи вольностей новгородскихъ подъ великаго князя, т. е. въ казну. Когда же какая-нибудь деревня отдавалась въ помѣстье для прокормы того или другаго боярина, или сына боярскаго, или инаго служилаго человека, тогда обжи съ нея слагались и велись затѣмъ только номинально для счета. Но въ составѣ княжескихъ деревень были участки, принадлежавшіе новгородскому владыкѣ, новгородскимъ церквамъ и монастырямъ, а также своеземцамъ разныхъ сословій, у которыхъ отчасти были и собственные люди — кабальные, плѣнные и проч. Всѣ эти земли не облагались общимъ оброкомъ, хотя все-таки съ нихъ сходили нѣкоторые сборы. Во время пріѣзда намѣстника, для него самого и его свиты производились сверхъ того особые поборы. Наконецъ сборъ въ пользу ключника взимался три раза въ году, въ праздники: Рождества, Пасхи и Петрова дня, каждый разъ по одной деньгѣ съ обжи. Все это, какъ видно, было крайне умеренно, когда притомъ взять во

вниманіе чрезвычайную ограниченность въ потребностяхъ жизни тогдашняго поселянина, который остатками могъ прожить по своему безъ заботы, а поэтому и счастливо.

Вотъ очеркъ, который какъ ни кратокъ, въ которомъ, можетъ быть, окажутся неточности и недосмотры, неизбѣжные въ такого рода изысканіяхъ, во всякомъ случаѣ даетъ достаточное понятіе о количествѣ податей въ Новгородскомъ краѣ между концомъ XV и начала XVI столѣтій, также о томъ, съ чего и какъ они собирались и, наконецъ, о степени соразмѣрности ихъ съ средствами плательщиковъ.

Особая цѣль наша при этомъ была показать различіе въ способахъ взиманія сборовъ: стариннаго и нынѣшняго, и вмѣстѣ съ тѣмъ показать превосходство перваго надъ вторымъ относительно уравненія повинностей. Насколько въ этомъ мы успѣли, пусть судятъ другіе. Что же касается до самыхъ предметовъ обложенія, въ которыхъ примѣчается такая ограниченность, что пашня за все отвѣчала, то это само собою вытекало изъ тогдашняго положенія вещей, когда напр. лѣса рѣшительно не имѣли никакого сбыта, а потому и цѣны. Слѣдовательно было бы болѣе чѣмъ странно безусловно примѣнять эти выводы къ нынѣшнимъ обстоятельствамъ, когда не только пашенныя, но и луговыя земли требуютъ все болѣе и болѣе затраты капитала, чтобъ поддер-

жать ихъ производительность, а владѣльцамъ лѣсовъ не въ далекомъ будущемъ предстоитъ хорошая перспектива. Умѣй только они сберечь свои сокровища и приложить къ дѣлу техническія производства, свойственныя и сподручныя краю, перекрещенному множествомъ водныхъ путей *). Но увеличившееся въ настоящее время число предметовъ обложенія, а потому и доходныхъ статей, которыя могутъ подлежать налогу, немного измѣнить по существу тотъ методъ, которому слѣдовали наши предки, какъ для опредѣленія самыхъ этихъ предметовъ, такъ и для опредѣленія взаимныхъ отношеній ихъ цѣнностей. Все, что считалось нужнымъ включить въ писцовыя книги, необходимо и для насъ, не только для исчисленія налоговъ, но и для достиженія многихъ другихъ хозяйственныхъ цѣлей земства. Не уравненіемъ же повинностей все намъ заниматься; работа эта все-таки отрицательно, а не положительно улучшаетъ нашъ сельскій бытъ. Конечно, нашъ кругозоръ го-

*) Хотя съ одной стороны несомнѣнно, что въ настоящее время могутъ существовать только болѣе или менѣе интензивныя хозяйства, однакожь не должно забывать, что такія хозяйства не даются безъ значительнаго оборотнаго капитала, умѣнья хозяйничать и серьезнаго расчета. Въ этихъ хозяйствахъ по преимуществу, какъ справедливо замѣчаетъ Рошеръ, наибольшій валовой доходъ не всегда есть признакъ чистаго наибольшаго дохода. Въ Англій, какъ пишетъ г. Абашевъ, на 180 культурныхъ нашихъ десятинахъ арендаторъ затрачиваетъ ежегодно до 25 тыс. руб. оборотнаго капитала и доволенъ, когда выручаетъ до 2,500 р. чистаго дохода (помнится статья его была помѣщена въ Русскомъ Вѣстникѣ).

раздо обширнѣе, и мы уже далеко не можемъ довольствоваться тѣми предметами, которые включались въ писцовыя книги, потому что и самыя потребности нашей жизни стали несравненно разнообразнѣе. Но зато и средства наши достигъ лучшихъ и полнѣйшихъ результатовъ стали гораздо обильнѣе. Уже одно то, что кромѣ писцовыхъ книгъ намъ предшествовали: губернскія учрежденія, генеральное межеваніе, потомъ спеціальное межеваніе, хотя и не повсемѣстное, наконецъ уставныя грамоты, все это и многое другое говоритъ въ пользу облегченія нашего труда. Къ тому же можно извлечь не мало пользы и изъ данныхъ, выработанныхъ нѣкоторыми земскими управами, въ особенности губернской управою. Сыраго матеріала не мало! Дѣлю все въ компетенціи, въ умѣнїи логически группировать факты, очищенные критикою, и во всякой группѣ осмыслить ихъ, а потому и въ достиженіи такихъ общихъ результатовъ, которые могли бы быть пригодны потомъ къ примѣненію въ многоразличныхъ вопросахъ, какъ стоящихъ на очереди, такъ и долженствующихъ поступить на очередь въ сферѣ дѣятельности земства, которая годъ отъ году должна усложняться *). Дѣло также въ томъ чтобы

*) Еслибъ все выработываемое такимъ образомъ въ каждый годъ умѣлою рукою было компактно, безъ многословія, вмѣщаемо въ памятныя книжки, издаваемые повременно, то добытые результаты сдѣлались бы общимъ достояніемъ и, фильтрованные потомъ чрезъ

факты провѣрялись непременно на мѣстахъ ихъ проявленія и свидѣтельствовались людьми, которые не только готовы были бы свидѣтельствовать, но и способны были бы это сдѣлать. Способность свидѣтеля есть важнѣйшее условіе въ такого рода работахъ. Пошлите инаго статистика по губерніи и онъ вамъ наберетъ цѣлый коробъ хламу, съ которымъ не будете знать что и дѣлать. Примѣры бывали. Тутъ одно усердіе можетъ равняться медвѣжьей услугѣ. Мы не скажемъ, чтобъ во всемъ этомъ дѣлѣ не предстояло довольно труда, но не видимъ возможности его исполнить. Мы не можемъ забыть, потому что объ этомъ безпрестанно намъ напоминаютъ, шевеля наши кошельки, что наше земское управленіе стоитъ губерніи около 100 тыс. рублей въ годъ, а эта сумма довольно почтенная, особенно когда представимъ себѣ, что она, большею частію, собирается по грошамъ, облитымъ потомъ самаго тяжелаго мозольнаго труда! Ужели этого мало и нужны еще средства, чтобы сдѣлать что-нибудь солидное и достойное нашего призванія? Насъ обыкновенно стращаютъ кадастромъ, какъ пугаломъ, приводя въ примѣръ Францію, которая со временъ

общественное мнѣніе и критику, доставляли бы конечно драгоцѣнныя свѣдѣнія. Напротивъ, до какого оскудѣнія дошли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нынѣшніе провинціальныя альманахи, носящіе названіе памятныхъ книжекъ!

Наполеона I, несмотря на огромныя средства и энергію, не достигла кадастра, но вѣдь такихъ аргументовъ не должно принимать голословно. Не достигла вполнѣ — это правда; но зато сколько выработала драгоценныхъ свѣдѣній, которыя тамъ чрезвычайно облегчаютъ теперь и оцѣнивать налоги и опредѣлять платежныя средства! Дай Богъ намъ хоть частицу этого выработать... Но нѣтъ, пугало насъ до того устрашило, что мы почти были готовы, осѣлавъ выработанный нами «нормальный доходъ», благо онъ дался намъ скоро, проскакать на немъ чрезъ весь дремучій лѣсъ нашего достоянія! Какъ будто это было возможно? Какъ будто это и въ самомъ дѣлѣ компасъ, съ которымъ бы и не заблудились? Между тѣмъ время проходитъ.... время, которое хотя философъ Кантъ и опредѣлилъ нѣсколько туманно «формою внутренняго чувства», зато американцы, которыхъ съ нѣкоторыхъ поръ мы называемъ лучшими своими друзьями, что окончательно и доказано разными оваціями, совершенными въ честь американскихъ гостей, обыкновенно говорятъ, что время есть деньги, а это всего подходящѣе къ намъ, потому что въ деньгахъ то собственно мы больше всего и нуждаемся. И не понятно, почему кадастръ мы должны выработать вдругъ? Почему, напротивъ, мы не можемъ приближаться къ нему постепенно? На это обыкновенно отвѣчаютъ, что пока дойдемъ до конца, полученные

прежде данныя устарѣютъ *). Но вѣдь и статистика находится въ тѣхъ же условіяхъ; она безпрестанно измѣняется, какъ измѣняется все на землѣ, однакожь это не мѣшаетъ политической экономіи, основываясь на статистическихъ данныхъ, восходить до теоремъ, даже до аксіомъ. Тутъ рѣшительно нѣтъ ничего особеннаго, что не было бы присуще всякому знанію въ историческомъ его развитіи. Что устарѣло, то исправляйте: на то 100. тыс. гарантіи, чтобъ дѣятели не дремали. Какъ же иначе устроиться, когда повсюду одно старѣетъ, другое возникаетъ и потомъ снова старѣетъ, когда вся наша жизнь *regretium mobile* и всѣ мы, отъ мала до велика, состоимъ въ непрерывной борьбѣ за существованіе, по счастливо подмѣченному Дарвиномъ общему закону, который одинаково прилагается даже къ послѣднему муравейнику?... **)

*) Уже Ж. Б. Се давно замѣтилъ, что есть свѣдѣнія, которыя должно поновлять ежегодно; но есть и такія, которыя десять лѣтъ могутъ оставаться безъ перемѣны. (*Cours complet d'Economie Politique pratique par J. B. Say. 1832, 4 томъ, стр. 199*).

**) Вотъ, можетъ быть, современемъ мы и устроимся такъ, что большую часть дня будемъ проводить въ возлежащемъ состояніи, читая Омира или Овидія, о чемъ такъ плѣнительно было однажды описано въ академическомъ календарѣ почтеннымъ академикомъ Наукомъ. Но это развѣ будетъ тогда, когда по инициативѣ великаго московскаго патріота, съ такимъ усердіемъ осуществляемой теперь нашими гимназіями и университетами, всѣ мы Руссы, сколько насъ ни есть, обратимся въ эллиновъ и римлянъ и заговоримъ на языкѣ вавилонскаго смѣшенія. Тогда и кадастра будетъ не надо:

Итакъ, начнемте съ немногаго, но главное съ сознаниемъ и оглядѣвшись, и за нами вскорѣ очутится стройный рядъ фактовъ, пригодныхъ потомъ для различныхъ приложений въ земской жизни, въ томъ числѣ и для кадастра. Дивья дѣлать заключенія и рѣшать вопросы, когда есть факты, а безъ нихъ съ нашими проектами, не имѣя подъ собою основы, которые у насъ роятся, какъ пчелы въ добрый годъ, и которыми насъ угощаютъ иногда съ истинно русскимъ гостепріимствомъ, легко улетѣть въ трубу не только частному, но и общественному хозяйству *).

Обращаясь наконецъ за нѣсколько вѣковъ назадъ, мы видимъ, что два почтенные дѣятеля: Дмитрій Васильевичъ Китаевъ и Никита Семеновичъ Моклоковъ, получавшіе въ жалованье можетъ быть нѣсколько гривенъ кунъ и нѣсколько коробовъ хлѣ-

никто одинъ отъ другаго брать ничего не будетъ, потому что одинъ другаго и понимать не будетъ.

*) Хорошо что водится такъ не во всѣхъ собраніяхъ. Есть уѣздныя собранія, гдѣ, дѣйствуя совершенно противоположно, увѣрены, что папское *status quo* несравненно полезительнѣе. Тамъ двигаются рачьимъ ходомъ. Одною попечительною рукою устроить, а другою разрушать. Сегодня учредятъ напр. санитарный округъ, а завтра уничтожатъ, не шутя доказывая, что для крестьянъ лучше имѣть фельдшеровъ и коноваловъ, чѣмъ врачей. Въ одинъ годъ соберутъ деньги на дорогу, а въ другой показываютъ ихъ въ экономіи, на томъ-де основаніи, что чѣмъ хуже будутъ дороги, тѣмъ меньше будутъ на нихъ ѣздить и больше будутъ сидѣть дома, ничего не дѣлая. Вотъ и прекрасно: и деньги цѣлы и услуги земству оправ-

ба, не бывшіе ни въ университетѣ, ни даже въ гимназій, съ трудомъ знавшіе грамоту, какъ показываетъ употребленная ими ортографія, все-таки совершили трудъ, оставивъ по себѣ огромный томъ, который пригодился для насъ, ихъ потомковъ, спустя почти четыреста лѣтъ! Едва ли послѣ этого мы можемъ еще говорить о нашихъ затрудненіяхъ.

На сколько мы можемъ устроиться теперь, чтобъ уравнивать между собою сходящіе съ насъ разные сборы и, главное, опредѣлить наши средства, хоть бы для залога нашихъ имѣній, о чемъ нѣкоторые изъ насъ мечтаютъ давно уже во снѣ и на яву, объ этомъ слѣдуетъ говорить подробно. Съ своей стороны, мы особо изложимъ и наше мнѣніе объ этомъ серьезномъ вопросѣ, которому предпослали оканчиваемую здѣсь нашу брошюрку.

даны! И все это сопровождается іереміадами самаго плачевнаго свойства о дурныхъ временахъ, до которыхъ мы дожили. И при этомъ думается, но не говорится: какъ бы хорошо было возвратиться вспять и пожить по старинѣ! Последнее какъ будто бы и мерещится уже вдали; потому что и собранія годъ отъ году рѣдѣютъ, и многіе, что особенно жаль, лучшіе люди, какъ будто охладѣли и удаляются, а шутство и невѣжество берутъ верхъ. Какъ кому, читатель, а что касается до насъ, то все-таки корабль, летящій на всѣхъ парусахъ, скорѣе прикуетъ къ себѣ наши взоры, чѣмъ апатичное движеніе рака. Летѣть не страшно, лишь бы были крѣпки снасти и якоря, да кормчій не зѣваль; но заживо погребать себя — скверно.

1961
L. G. ...

ЦѢНА 75 КОП. СЕР.
